Альфонс Доде

Необычайные приключения Тартарена из Тараскона

Другу моему ГОНЗАГУ ПРИВА

Во Франции все немножко тарасконцы.

Эпизод первый
В Тарасконе
I
Сад с баобабом

Мое первое посещение Тартарена из Тараскона я запомнил на всю жизнь; с тех пор прошло лет двенадцать-пятнадцать, а я все так ясно вижу, словно это было вчера. Бесстрашный Тартарен жил тогда при въезде в город, в третьем доме налево по Авиньонской дороге. Хорошенькая тарасконская вилла, впереди садик, сзади балкон, ослепительно белые стены, зеленые ставни, а у калитки – целый выводок маленьких савояров, играющих в классы или дремлющих на самом солнцепеке, подставив под голову ящик для чистки обуви.

Снаружи дом ничего особенного собою не представлял.

Никому бы и в голову не пришло, что перед ним жилище героя. Но стоило войти внутрь, и – ах, черт побери!..

Во всем строении, от погреба до чердака, чувствовалось нечто героическое, даже в саду!..

О, сад Тартарена! Другого такого не было во всей Европе! Ни одного местного дерева, ни одного французского цветка, сплошь экзотические растения: камедные деревья, бутылочные тыквы, хлопчатник, кокосовые пальмы, манго, бананы, пальмы, баобаб, индийские смоковницы, кактусы, берберийские фиговые деревья, – можно было подумать, что вы в Центральной Африке, за десять тысяч миль от Тараскона. Конечно, все это не достигало здесь своей естественной величины: так, например, кокосовые пальмы были ничуть не выше свеклы, а баобаб (дерево-великан, *arbos gigantea*) превосходно чувствовал себя в горшке из-под резеды. Ну и что же? Для Тараскона и это было хорошо, и те высокопочтенные горожане, которые по воскресеньям удостаивались чести полюбоваться Тартареновым баобабом, возвращались домой в полном восторге.

Можете себе представить, с каким волнением проходил я впервые по этому чудесному саду! Но что я испытал, когда меня провели в кабинет героя!..

Кабинет Тартарена – одна из городских достопримечательностей – выходил окнами в сад, а баобаб произрастал как раз против стеклянной двери кабинета.

Вообразите большую комнату, сверху донизу увешанную ружьями и саблями; все виды оружия всех стран мира были здесь налицо: карабины, пищали, мушкетоны, ножи корсиканские, ножи каталонские, ножи-револьверы, ножи-кинжалы, малайские криссы, караибские стрелы, кремневые стрелы, железные перчатки, кастеты, готтентотские палицы, мексиканские лассо, – чего-чего тут только не было!

И словно для того, чтобы душа у вас совсем ушла в пятки, на стальных лезвиях и на ружейных прикладах сверкало могучее, беспощадное солнце... Единственно, что вас несколько успокаивало, это умиротворяющий дух порядка и чистоты, царивший над всеми этими орудиями истребления. Всему здесь было определено свое место, все сияло, блестело, все имело, точно в аптеке, свой ярлычок; кое-где виднелась краткая заботливая надпись:

«Стрелы отравлены, не прикасайтесь!»

Или:

«Ружья заряжены, осторожно!»

Если б не эти надписи, я бы не отважился сюда войти.

Посреди кабинета стоял круглый столик. На столике бутылка рому, турецкий кисет, «Путешествие капитана Кука», романы Купера, Густава Эмара, рассказы об охоте – охоте на медведя, соколиной охоте, охоте на слонов и т. д. А за столиком сидел человек лет сорока – сорока пяти, низенький, толстый, коренастый, краснолицый, в жилетке и фланелевых кальсонах, с густой, коротко подстриженной бородкой и горящими глазами; в одной руке он держал книгу, а другой размахивал громадной трубкой с железной покрышкой и, читая какой-нибудь сногсшибательный рассказ об охотниках за скальпами, оттопыривал нижнюю губу и строил ужасную гримасу, что придавало симпатичному лицу скромного тарасконского рантье выражение той же добродушной свирепости, какою дышал весь дом.

Это и был Тартарен, Тартарен из Тараскона, бесстрашный, великий, несравненный Тартарен из Тараскона.

II

Несколько слов о славном городе Тарасконе. Охотники за фуражками

В то время, о котором я рассказываю, Тартарен из Тараскона не был еще нынешним Тартареном, великим Тартареном из Тараскона, широко известным на юге Франции. Но и тогда уже он был королем Тараскона.

Чему же обязан он своим королевским достоинством?

Прежде всего надо вам сказать, что в том краю все люди – охотники, и стар и млад. Охота – страсть тарасконцев, и это повелось еще со времен баснословных, когда в окрестных

болотах свирепствовал Тараск, а тарасконцы устраивали на него облавы. Как видите, давность изрядная.

Итак, каждое воскресное утро тарасконцы вооружаются и идут за город; за спинами у них сумки, за плечами ружья, стон стоит от лая собак, воя хорьков, звуков труб и охотничьих рогов. Величественное зрелище... Вот только, к сожалению, дичь перевелась, совсем-совсем перевелась.

Тварь, хоть она и тварь, в конце концов, сами понимаете, стала остерегаться.

На пять миль вокруг Тараскона все норы пусты, все гнезда брошены. Ни дрозда, ни перепелки, – хоть бы один крольчонок, хоть бы самый маленький чекан.

А между тем живописные тарасконские холмики, пахнущие миртом, лавандой, розмарином, до того очаровательны, превосходный мускатный, набухающий сладким соком виноград, уступами спускающийся к Роне, тоже чертовски соблазнителен!.. Да, но там, дальше – Тараскон, а в маленьком царстве зверей и птиц Тараскон на очень плохом счету. Перелетные птицы даже отметили его большим крестом на своих маршрутах, и как только дикие утки, вытянутыми треугольниками спускаясь к Камарге, издали завидят городские колокольни, вожак тотчас начинает кричать во все горло: «Вон Тараскон!.. Вон Тараскон!» – и стая делает крюк.

Словом, местная дичь состоит из одного матерого, продувного зайца, чудом уцелевшего от тарасконских бранных потех и упорно не покидающего здешних мест. Этого зайца знают в Тарасконе решительно все. У него есть даже кличка. Его прозвали Быстроногий. Известно, что его нора находится в черте владений Бомпара, – кстати сказать, это обстоятельство вдвое и даже втрое подняло цену на его землю, – но убить зайца так никому и не удалось.

В настоящее время за ним все еще гоняются два-три безумца.

Остальные махнули рукой, и Быстроногий с давних пор был отнесен к числу местных суеверий, хотя по природе своей тарасконцы весьма мало суеверны и, когда представляется случай, едят даже рагу из ласточек.

– Да, но если дичь в Тарасконе – такая редкость, – скажете вы, – чем же тогда тарасконские охотники занимаются по воскресеньям?

Чем занимаются?

Ах, боже мой! Они отправляются в поле, мили за две, за три от города. Объединяются человек по пять, по шесть, устраиваются поудобней под сенью колодезного сруба, старой стены или же оливкового дерева, достают из ягдташей порядочный кусок тушеной говядины, лук, колбасу, анчоусы – и начинается нескончаемый завтрак, запиваемый превосходным ронским вином, от которого хочется смеяться и петь.

Потом, как следует нагрузившись, они встают, подзывают собак, заряжают ружья и начинают охотиться. Это значит, что каждый из них берет свою фуражку, изо всех сил подбрасывает ее в воздух и бьет по ней влет дробью разного калибра – пятым, шестым, вторым номером, смотря по уговору.

Кому удалось попасть в цель чаще других, того провозглашают королем охоты, и вечером он, как триумфатор, под звуки рогов и лай собак возвращается в Тараскон, а на стволе его ружья красуется изрешеченная фуражка.

Вряд ли стоит говорить, что в городе идет бойкая торговля охотничьими фуражками. Иные шапочники в расчете на незадачливых охотников продают заранее продырявленные, изодранные фуражки, но, кроме аптекаря Безюке, их никто не покупает. Это же нечестно!

Как охотник за фуражками Тартарен из Тараскона не имел себе равных. Каждое воскресное утро он отправлялся на охоту в новой фуражке и каждый воскресный вечер возвращался с фуражкой рваной. В домике с баобабом весь чердак был завален этими славными трофеями. Вот почему тарасконцы считали Тартарена своим предводителем, а так

как он знал досконально охотничий устав и прочел научные труды и руководства по всем видам охоты, начиная с охоты за фуражками и кончая охотой на бирманского тигра, то его признавали за верховного охотничьего судью и во всех спорных случаях прибегали к его посредничеству.

Ежедневно, от трех до четырех, у оружейного мастера Костекальда можно было видеть важного толстяка с трубкой в зубах, восседавшего в зеленом кресле посреди магазина, который был битком набит охотниками за фуражками, охотники же стоя переругивались. Это творил суд Тартарен из Тараскона – Нимрод и Соломон в одном лице.

III

Нэт! Нэт! Нэт! Еще несколько слов о славном городе Тарасконе

У могучего тарасконского племени страсть к охоте сочетается с другой страстью – к романсам. Городок, кажется, небольшой, а романсы распевает в количестве просто невероятном. Всякого рода сентиментальный хлам всюду у нас давно пожелтел, покоясь в старых-престарых папках, зато в Тарасконе он вечно молод и вечно свеж. Все, все они тут. У каждой семьи свой любимый романс, и в городе это хорошо известно. Известно, например, что любимый романс аптекаря Безюке:

Сияй, о звездочка моя...

Оружейника Костекальда:

Придешь ли ты в тот край лачуг убогих?

Податного инспектора:

Ах, будь я невидимкой,

Меня б не увидать!

(Шуточная песенка)

И так у всех тарасконцев. Два-три раза в неделю они собираются друг у друга и поют. Замечательно, что это всегда одни и те же романсы и что, сколько ни поют их славные тарасконцы, ни у кого никогда не возникало желания разучить что-нибудь новенькое. Романсы переходят по наследству от отца к сыну, и никто ничего не меняет: это священно. Более того, никто ни у кого не перенимает. Костекальдам никогда бы не пришло в голову спеть романс Безюке, а Безюке – спеть романс Костекальдов. Кажется, за сорок лет романсы должны бы набить им оскомину. Но нет! Каждый крепко держится за свой романс, и все довольны.

По части романсов, как и по части фуражек, первое место занимал Тартарен. Превосходство его зиждилось вот на чем: у Тартарена из Тараскона не было своего романса. Его собственностью были все романсы.

Все!

Однако заставить его спеть не мог бы и сам черт. Пресыщенный сплошными успехами, герой Тараскона предпочитал погружаться в чтение книг про охоту или проводить вечера в Клубе, нежели рисоваться у нимского фортепьяно при свете двух тарасконских свечей. Принимать участие в этих музыкальных вечерах он считал ниже своего достоинства... И все же, когда в аптеке у Безюке шел домашний концерт, он иной раз как бы невзначай туда заходил и, уступая настойчивым просьбам, соглашался спеть со старой г-жой Безюке знаменитый дуэт из «Роберта Дьявола»... Кто этого не слышал, тот ничего не слыхал... Проживи я еще хоть сто лет, я до самой смерти не забуду, как великий Тартарен торжественно направлялся к фортепьяно, облокачивался, строил гримасу и старался придать своему добродушному лицу, на которое падал зеленый свет от шаров аптечной витрины, демоническое, свирепое выражение Роберта Дьявола. Едва он принимал позу, как по всему залу пробегал трепет: казалось, сейчас произойдет нечто необычайное... И вот, после некоторого молчания, старая г-жа Безюке, сама себе аккомпанируя, начинала:

В тебя я верю свято,

Тобой душа полна,

Но я потрясена (2 раза),

Так не губи ж себя ты

И не губи меня!

Тут она шепотом говорила: «Теперь вам, Тартарен», – и Тартарен из Тараскона, вытянув руку, сжав кулак и раздув ноздри, трижды произносил ужасным голосом, который, точно удар грома, раскатывался в недрах фортепьяно: «Нет!.. Нет!.. Нет!..» – причем у него, как у настоящего южанина, это звучало: «Нэт!.. Нэт!.. Нет!..» Тогда старая г-жа Безюке повторяла еще раз:

Так не губи ж себя ты

И не губи меня!

– *Нэт!.. Нэт!.. Нэт!..* – еще громче ревел Тартарен, и тут все и кончалось... Как видите, пение длилось недолго, но выходило это у него так сильно, так выразительно, до того сатанински, что вся аптека содрогалась от ужаса, и его потом еще несколько раз заставляли повторить: «Нэт!.. Нэт!..»

Наконец Тартарен отирал лоб, улыбался дамам, подмигивал мужчинам, а затем, после такого триумфа, шел в Клуб и там небрежно ронял:

– Я сейчас пел у Безюке дуэт из «Роберта Дьявола».

И он сам этому верил – вот что удивительнее всего!..

IV
Они!

Тартарен из Тараскона пользовался в городе большим влиянием, и этим он был всецело обязан своим разносторонним способностям.

Во всяком случае, одно можно сказать наверное: этот хват сумел покорить всех.

Армия в Тарасконе была за Тартарена. Бравый командир Бравида, он же каптенармус в отставке, говорил о нем: «Он у нас молодец!» – а уж кто-кто, но Бравида, стольких обмундировав на своем веку, должен был разбираться, кто молодец, а кто нет.

Судейское сословие тоже было за Тартарена. Председатель суда, старик Ладевез, не раз говорил о нем на заседаниях:

– Вот это характер!

Наконец, за Тартарена был народ. Его могучее телосложение, поступь, повадка боевого коня, которому не страшна никакая пальба, слава героя, неизвестно откуда взявшаяся, а также неоднократные раздачи медяков и тумаков маленьким чистильщикам, которые располагались у его калитки, сделали из него местного лорда Сеймура, любимца тарасконских рынков. В воскресенье вечером, когда Тартарен во фланелевой куртке с поясом возвращался с охоты, вздев фуражку на ружейный ствол, ронские грузчики на пристани почтительно кланялись ему и, подмигивая друг другу на мощные бицепсы, игравшие на его руках, переговаривались восхищенным шепотом:

– Ну и силач!.. У него *двойные мускулы!*

Двойные мускулы!

Только в Тарасконе можно услышать нечто подобное!

Однако, наперекор всему, несмотря на многообразие талантов, на двойные мускулы, на любовь народа и лестное мнение бравого командира Бравида, то бишь каптенармуса в отставке, Тартарен не был счастлив: жизнь в маленьком городишке тяготила, угнетала его. Великому тарасконцу скучно было в Тарасконе. В самом деле: для такой героической натуры, для такой отважной и пылкой души, бредившей битвами, скачкою в пампасах, грандиозной охотой, песками пустынь, смерчами и ураганами, непременные воскресные облавы на фуражки и судебные разбирательства у оружейника Костекальда – все это было слишком мелко... Милый, бедный великий человек! Ну как тут было не зачахнуть с тоски!

Тщетно, стремясь расширить кругозор и немного отдохнуть от Клуба и от Рыночной площади, окружал он себя баобабами и другими африканскими растениями; тщетно вешал одно оружие на другое, один малайский крисс на другой; тщетно забивал себе голову чтением романов и, подобно бессмертному Дон Кихоту, пытался силою своей мечты вырваться из тисков беспощадной действительности... Увы! Что бы ни предпринимал он для утоления жажды приключений, все только распаляло ее. Один вид многочисленного оружия держал его в состоянии неутихающего гнева и раздражения. Стрелы и лассо взывали к нему: «На бой! На бой!» В ветвях баобаба шелестел ветер далеких странствий и нашептывал ему опасные советы. А тут еще Густав Эмар и Фенимор Купер...

Сколько раз в душные летние дни, окруженный мечами, в полном одиночестве читая книгу, Тартарен внезапно вскакивал, рыча бросал книгу, устремлялся к стене и срывал с гвоздя какое-нибудь оружие!

Бедняга забывал, что он у себя дома, в Тарасконе, что на нем фуляровый платок и кальсоны, – он претворял только что прочитанное в жизнь и, возбуждаясь от звука собственного голоса, кричал, потрясая топором или томагавком:

– Теперь пусть только они ворвутся!

Они? Кто *они?*

Тартарен и сам толком не знал... *Они* – это все, что нападает, воюет, кусает, разрывает когтями, скальпирует, воет, ревет... *Они* – это краснокожий сиу, пляшущий вокруг столба, к которому привязан несчастный белый. Это бурый медведь Скалистых гор, который переваливается с ноги на ногу и облизывается окровавленным языком. Затем это туарег, кочующий в пустыне, малайский пират, абруццский бандит... Наконец, *они* – это просто они!.. *Они* – значит война, путешествия, приключения, слава.

Но увы! Сколько ни звал их бесстрашный тарасконец, сколько ни вызывал *их* на бой – *они* все не шли... Да и что бы они, горемыки, стали в Тарасконе делать?

А Тартарен между тем все-таки их поджидал; особенно по вечерам, отправляясь в Клуб.

V

Тартарен отправляется в клуб

Рыцарь-тамплиер, собирающийся сделать вылазку против осадивших его неверных, китайский солдат, под знаменем тигра готовящийся к схватке, воинственный команч, выходящий на тропу войны, – все это ничто в сравнении с Тартареном из Тараскона, вооружающимся с головы до ног перед тем, как отправиться в Клуб, а отправляется он туда в девять вечера, через час после вечерней зори.

«К бою готовьсь!» – как говорят матросы.

На левую руку Тартарен надевал железную перчатку с шипами, в правую брал трость со шпагой внутри, в левом кармане у него был кастет, в правом – револьвер. На груди, между сюртуком и жилеткой, скрывался малайский крисс. Но уж насчет отравленных стрел – ни-ни! Это – оружие вероломное!..

Перед самым уходом он в тишине и сумраке кабинета некоторое время упражнялся: фехтовал, стрелял в стену, играл мускулами, затем брал ключ от калитки и важною медлительною поступью шел через сад. По-английски, господа, по-английски! Вот она, истинная храбрость! Пройдя сад, он отворял тяжелую железную калитку. Он отворял ее рывком, так что снаружи она ударялась об ограду... Если бы *они* стояли за оградой, от *них* бы мокрого места не осталось!.. Вот только, к несчастью, *они* не стояли за оградой.

Тартарен выходил за калитку, мгновенно оглядывался по сторонам, поспешно запирал калитку двойным поворотом ключа – и в путь!

На Авиньонской дороге ни одной живой души. Двери заперты, огни погашены. Темным-темно, лишь кое-где в ронском тумане мигает фонарь...

Величавый и непоколебимый, Тартарен из Тараскона мерно шагал в ночном мраке, высекая из булыжника искры железным наконечником трости... Где бы он ни шел – по бульвару, по улице или по переулку, он неизменно держался середины дороги, что является весьма благоразумной мерой предосторожности, ибо так вы всегда увидите надвигающуюся опасность, а главное – так вам не грозит нечто, иной раз выливающееся по вечерам из окон на тарасконские улицы. Подобная осмотрительность вовсе не означала, однако, что Тартарен испытывал страх... Нет, он только остерегался!

Лучшее доказательство того, что Тартарен не испытывал страха, заключается в следующем: в Клуб он шел не бульварами, а через весь город, то есть самым длинным, самым темным путем, бесконечно колеся по всяким мерзким закоулкам, в конце которых зловеще поблескивала Рона. Бедняга все надеялся, что на повороте одной из таких трущоб внезапно вырастут из темноты *они* и бросятся на него сзади. *Им* бы не поздоровилось, можете мне поверить... Но по иронии судьбы ни разу, ну то есть ни разу в жизни, Тартарену не повезло на неприятную встречу. Хоть бы собака, хоть бы пьяный. Никого!

Изредка все же фальшивая тревога бывала. Шаги, приглушенные голоса... «Внимание!» – говорил себе Тартарен, замирал на месте, вглядывался в темноту, нюхал воздух, по способу индейцев припадал ухом к земле... Шаги приближались. Голоса звучали отчетливее... Сомнений нет! Это *они!* *Они* сейчас подойдут.

И вот уже Тартарен с загоревшимся взглядом, тяжело дыша, весь подобрался, точно ягуар, вот сейчас он прыгнет, издав воинственный крик, как вдруг из темноты слышатся приветливые голоса тарасконцев, спокойно окликающих его:

– Э! Глянь-ка... Да это Тартарен! Здравствуйте, Тартарен!

Проклятие! Это аптекарь Безюке с семейством, – он только что спел свой романс у Костекальдов.

– Добрый вечер! Добрый вечер! – в ярости, что обознался, цедил сквозь зубы Тартарен и, с остервенением взмахнув тростью, исчезал во тьме.

Прежде чем войти в Клуб, бесстрашный тарасконец еще некоторое время расхаживал в ожидании взад и вперед возле дома... Наконец ему надоедало *их* ждать, и, окончательно убедившись, что *они* и на сей раз не появятся, Тартарен бросал последний вызывающий взгляд в темноту и злобно шептал: «Никого!.. Никого!.. Никогда – никого!»

Затем доблестный муж садился играть с каптенармусом в безик.

VI

Два Тартарена

Как же, черт побери, могло случиться, что с этой страстью к приключениям, с этой потребностью в сильных ощущениях, с этим помешательством на странствиях, на бешеной скачке очертя голову Тартарен из Тараскона безвыездно жил в Тарасконе?

А между тем это так. Бесстрашный тарасконец дожил до сорока пяти лет и ни разу не ночевал за городом. Он не совершил даже пресловутого путешествия в Марсель, которым каждый уважающий себя провансалец отмечает свое совершеннолетие. Дальше Бокера он не заходил, а ведь это уж не так далеко – только мост перейти. К несчастью, проклятый мост так часто сносило бурей и потом он такой длинный, такой непрочный, а Рона в этом месте такая широкая, что... словом, вы меня понимаете, Тартарен из Тараскона предпочитал сушу.

У нашего героя, надо сознаться, были две совершенно разные натуры. «Я чувствую в себе двух человек», – сказал кто-то из отцов церкви. С полным правом это можно было бы сказать о Тартарене, ибо у него была душа Дон Кихота: те же рыцарские порывы, тот же идеал героизма, то же помешательство на всем необычайном и великом, но, к несчастью, он не обладал телом прославленного идальго, телом костлявым и тощим, этим подобием тела, для которого жизнь материальная не таила в себе никаких соблазнов, способного двадцать ночей не снимать доспехов и двое суток питаться горсточкой риса... Напротив, тело у Тартарена было солидное, весьма упитанное, весьма грузное, весьма плотоядное, весьма изнеженное, весьма привередливое, отличавшееся чисто обывательскими наклонностями, любившее удобства, – пузатое и коротконогое тело бессмертного Санчо Пансы.

Дон Кихот и Санчо Панса в одном лице! Вы не можете себе представить, до чего трудно им было ужиться! Вечные стычки! Вечные раздоры!.. Вот вам чудный диалог между двумя Тартаренами, Тартареном – Дон Кихотом и Тартареном – Санчо, – диалог, достойный пера Лукиана или Сент-Эвремона...

Тартарен – Дон Кихот, начитавшись Густава Эмара, приходит в возбуждение и восклицает:

– Я уезжаю!

Тартарен – Санчо, помышляя только о своем ревматизме, говорит:

– Я остаюсь.

Тартарен – Дон Кихот (в крайнем возбуждении). Покрой себя славой, Тартарен!

Тартарен – Санчо (крайне хладнокровно). Тартарен, прикройся фланелью!

Тартарен – Дон Кихот (все сильнее и сильнее возбуждаясь). О, славные двустволки! О, кинжалы, лассо, мокасины!

Тартарен – Санчо (все хладнокровнее и хладнокровнее). О, милые вязаные жилеты! О, милые теплые-претеплые наколенники! О, славные фуражки с наушниками!

Тартарен – Дон Кихот (вне себя). Топор! Дайте мне топор!

Тартарен – Санчо (звонит горничной). Жаннета, шоколаду!

Жаннета приносила дивный шоколад, горячий, душистый, с пеночкой и вкусные анисовые сухарики, и при виде этого Тартарен – Санчо заливался смехом, заглушая крики Тартарена – Дон Кихота.

Вот почему так получалось, что Тартарен из Тараскона безвыездно жил в Тарасконе.

VII

Европейцы в Шанхае. Международная торговля. Монголы. Был ли Тартарен из Тараскона обманщиком? Мираж

И все же однажды Тартарен чуть было не уехал в далекое путешествие.

Три брата Гарсиа-Камюс, тарасконцы, обосновавшиеся в Шанхае, предложили ему заведовать там одною из их торговых контор. О такой-то жизни он как раз и мечтал. Большие дела, целая армия подчиненных, сношения с Россией, Персией, Турцией – короче говоря, международная торговля. Надо было слышать, как торжественно звучали в устах Тартарена эти слова: «Международная торговля!..»

Торговый дом Гарсиа-Камюс, кроме всего прочего, имел то преимущество, что на него время от времени нападали монголы. Тут уж все двери на запор. Служащие брались за оружие, над зданием взвивался консульский флаг, и – бах! бах! по монголам из окон.

Мне нет надобности говорить вам, с каким восторгом принял это предложение Тартарен – Дон Кихот; к несчастью, Тартарен – Санчо тянул к себе, а так как он всегда перетягивал, то все и разладилось.

В городе об этом было немало толков. Уедет? Не уедет? Бьемся об заклад, что да. Бьемся об заклад, что нет. Это было настоящее событие... Тартарен так и не уехал, но все же эта история послужила ему к чести. Для Тараскона чуть-чуть не уехать в Шанхай – все равно что уехать. Столько было разговоров о путешествии Тартарена, что в конце концов всем стало казаться, что он уже вернулся из путешествия, и по вечерам клубные завсегдатаи расспрашивали его о жизни в Шанхае, о местных нравах, климате, опиуме, о международной торговле.

Тартарен, знаток в этой области, охотно сообщал все подробности, а с течением времени доблестный муж и сам поверил, что ездил в Шанхай, и, рассказывая в сотый раз о налете монголов, он уже, не моргнув глазом, говорил:

– Тогда я вооружаю моих служащих, поднимаю консульский флаг, и – бах, бах! по монголам из окон.

При этих словах весь Клуб содрогался...

– Но в таком случае ваш Тартарен – отъявленный лгун.

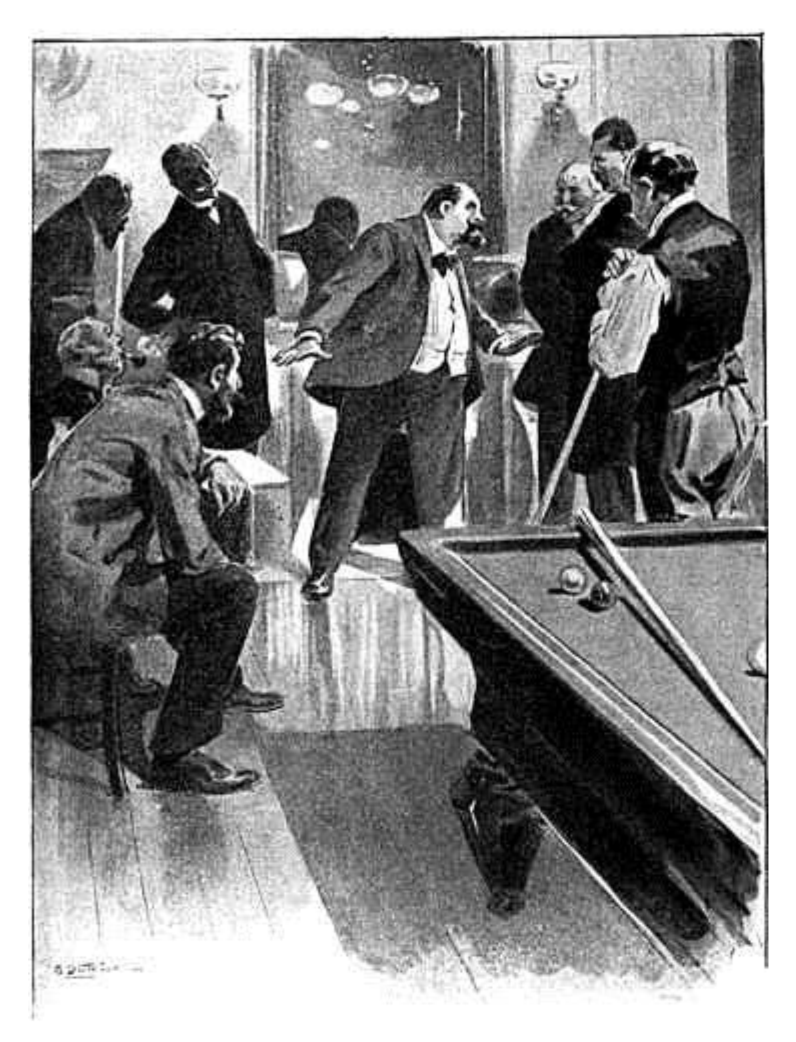
– Нет! Вовсе нет! Тартарен не лгун...

– Но ведь он же отлично знал, что не был в Шанхае!

– Конечно, знал. А вот...

А вот послушайте, что я вам скажу. Нужно самым решительным образом заявить, что репутация лгунов, которую северяне создали южанам, не соответствует действительности. На юге нет лгунов – ни в Марселе, ни в Ниме, ни в Тулузе, ни в Тарасконе. Южанин не лжет – он заблуждается. Он не всегда говорит правду, но он сам верит тому, что говорит... Его ложь – это не ложь, это своего рода мираж...

Да, мираж!.. А чтобы в этом удостовериться, поезжайте-ка на юг – увидите сами. Вы увидите страну чудес, где солнце все преображает и все увеличивает в размерах. Вы увидите, что провансальские холмики высотой не более Монмартра покажутся вам исполинскими, а что античный храм в Ниме – эту комнатную безделушку – можно принять за собор Парижской Богоматери. Вы увидите... Ах, если есть на юге лгун, то только один – солнце!.. Оно увеличивает все, к чему ни прикоснется!.. Что представляла собою Спарта в пору своего расцвета? Обыкновенный поселок. Что представляли собою Афины? В лучшем случае – провинциальный городишко... И все же в истории они рисуются нам как два огромных города. Вот что из них сделало солнце...

Так нечего после этого удивляться, что то же самое солнце, озаряя Тараскон, сумело превратить отставного каптенармуса Бравида в бравого командира Бравида, репу – в баобаб, а человека, чуть было не уехавшего в Шанхай, – в человека, там побывавшего!

VIII

Зверинец Митен. Атласский лев в Тарасконе. Торжественная и грозная встреча

А теперь, показав частную жизнь Тартарена из Тараскона до того, как слава коснулась его чела и увенчала неувядаемыми лаврами, поведав о том, как протекала жизнь этого героя в обычной обстановке, поведав его радости, горести, мечты и надежды, поспешим перейти к самым ярким страницам его биографии и к тому необычайному происшествию, после которого беспримерная судьба Тартарена так высоко его вознесла.

Это было однажды вечером, у оружейника Костекальда. Тартарен из Тараскона показывал нескольким любителям устройство игольчатого ружья, которое тогда еще только-только входило в моду... Вдруг дверь отворяется, и в магазин вбегает испуганный охотник за фуражками.

– Лев!.. Лев!.. – кричит он.

Всеобщее оцепенение, ужас, растерянность, кутерьма. Тартарен берет ружье на изготовку. Костекальд спешит запереть дверь. Все обступают охотника, забрасывают вопросами, наседают на него, и в конце концов выясняется следующее: зверинец Митен, возвращаясь с Бокерской ярмарки, остановился на несколько дней в Тарасконе и только что

со всеми своими удавами, тюленями, крокодилами и великолепным атласским львом расположился на Замковой площади.

Атласский лев в Тарасконе! Это что-то небывалое. О, как гордо переглянулись тут наши бравые охотники за фуражками, как просияли их мужественные лица и какими крепкими рукопожатиями молча обменялись они во всех углах оружейного магазина! Волнение было столь велико, столь внезапно, что никто не вымолвил слова...

Даже сам Тартарен. Бледный, дрожащий, все еще не выпуская из рук игольчатого ружья, он стоял в раздумье возле прилавка. Атласский лев, здесь, совсем близко, в двух шагах! Лев! Царь зверей, славящийся своей отвагой и свирепостью, предел охотничьих мечтаний Тартарена, нечто вроде премьера той фантастической труппы, которая разыгрывала в его воображении такие чудесные драмы!..

Господи боже мой, лев!..

Да еще атласский! Этого великий Тартарен вынести не мог...

Вся кровь бросилась ему в голову.

Глаза у него засверкали. Судорожным движением он вскинул игольчатое ружье на плечо и, обращаясь к бравому командиру Бравида, то бишь к каптенармусу в отставке, громовым голосом произнес:

– Идемте, командир!

– Э, э!.. Э, э!.. А мое ружье?.. Вы взяли мое ружье!.. – попытался робко возразить осторожный Костекальд, но Тартарен уже вышел на улицу, а за ним гордо вышагивали все охотники за фуражками.

Когда они вошли в помещение зверинца, там уже толпился народ. Тарасконцы, племя героическое, но отвыкшее от потрясающих зрелищ, ринулись к балагану и взяли билеты с бою. Пышнотелая г-жа Митен была очень довольна... В кабильском костюме, с обнаженными до локтей руками, с железными браслетами на щиколотках, с хлыстом в одной руке и с живым, но уже ощипанным цыпленком в другой, эта знаменитая дама обходилась с тарасконцами крайне любезно, а так как и у нее были двойные мускулы, то она пользовалась у гостей не меньшим успехом, чем ее питомцы.

Появление Тартарена с ружьем заставило всех вздрогнуть.

На всех этих храбрых тарасконцев, которые только что совершенно спокойно прогуливались подле клеток, безоружные, беспечные, никакой опасности не подозревавшие, напал вполне понятный страх при виде их великого Тартарена, с ужасающим смертоносным оружием вошедшего в балаган. Значит, тут есть чего бояться, если даже он, герой... В мгновение ока толпа отхлынула от клеток. Дети испуганно кричали, дамы поглядывали на дверь. Аптекарь Безюке под тем предлогом, что идет за ружьем, улизнул...

Однако мало-помалу поведение Тартарена ободрило смельчаков. Невозмутимый, с высоко поднятой головой, бесстрашный тарасконец медленным шагом обошел весь балаган, ни на минуту не задержался возле бассейна с тюленем, бросил презрительный взгляд на длинный, усыпанный отрубями ящик, где удав переваривал живого цыпленка, и как вкопанный остановился перед клеткою льва...

Торжественная и грозная встреча! Лев Тараскона и лев Атласа лицом к лицу... По одну сторону Тартарен, выставив ногу вперед, обеими руками оперся на ружье, по другую сторону лев, исполинский лев, разлегшись на соломе, положил свою головищу с желтой гривой на передние лапы и осовело моргает... Оба спокойно глядят друг на друга.

Но – странное дело! То ли игольчатое ружье раздражило льва, то ли почуял он врага всей львиной породы, только лев, до сих пор смотревший на тарасконцев с царственным пренебрежением и зевавший им в лицо, внезапно разгневался. Сначала он фыркнул, глухо заворчал, выпустил когти, потянулся, затем встал, поднял голову, тряхнул гривой, разинул чудовищную пасть и устрашающе зарычал на Тартарена.

Вопль ужаса был ему ответом. Обезумевшие тарасконцы бросились к выходу. Бросились все: женщины, дети, грузчики, охотники за фуражками, даже бравый командир Бравида... Один лишь Тартарен из Тараскона не пошевельнулся... Исполненный решимости, непоколебимый, он по-прежнему стоял перед клеткой, и глаза его метали молнии, а лицо приняло знакомое всему городу свирепое выражение... Мгновение спустя, когда охотники за фуражками, которых несколько успокоило его поведение, а также прочность решеток, приблизились к своему вождю, они услышали, как он, глядя на льва, прошептал:

– Да, вот это охота!

В тот день Тартарен из Тараскона не сказал больше ни слова...

Ix

Особого рода мираж

В тот день Тартарен из Тараскона не сказал больше ни слова, но, на свою беду, он уже слишком много сказал...

На другой день в городе только и разговору было, что о предстоящем отъезде Тартарена в Алжир и об охоте на львов. Будьте свидетелями, дорогие читатели, что сам доблестный муж об этом и не заикнулся, но, понимаете ли, мираж...

Словом, весь Тараскон только и говорил что об его отъезде.

На бульваре, в Клубе, у Костекальда люди взволнованно подбегали друг к другу:

– Ну что, слыхали?.. Про отъезд Тартарена, а?

Нужно заметить, что в Тарасконе все фразы начинаются с «ну что», и произносится это: «ну чтэ», а кончаются неизменным «а», и произносится это: «э».

В тот день, чаще чем когда-либо, эти «э» и «ну чтэ» гремели так, что стекла звенели.

Больше всех был удивлен, узнав, что он едет в Африку, сам Тартарен. Но вот что значит тщеславие! Вместо того чтобы прямо сказать, что он никуда и не собирается ехать, что у него и в мыслях этого никогда не было, бедняга Тартарен в первый раз, как с ним заговорили об этом путешествии, уклончиво промямлил:

– Гм... Гм... Возможно... Пока еще ничего не могу вам сказать.

Во второй раз, уже несколько свыкшись с этой мыслью, он ответил:

– Вероятно.

В третий раз:

– Решено.

Наконец, вечером, сначала в Клубе, а потом и у Костекальдов, воодушевленный пуншем, рукоплесканиями, ярким освещением, упоенный успехом, какой имела в городе весть об его отъезде, несчастный торжественно заявил, что ему наскучила охота за фуражками и что в ближайшее время он едет охотиться на крупных атласских львов...

Сообщение это было встречено оглушительным «ура». Затем снова пунш, рукопожатия, объятия, и – до полуночи – серенады с факелами перед домиком с баобабом.

Недоволен был только Тартарен – Санчо. Его брала оторопь при одной мысли о путешествии в Африку и об охоте на львов. Вернувшись домой, он, в то время как под окнами в честь хозяина все еще раздавались серенады, устроил Тартарену – Дон Кихоту ужасную сцену, назвал его помешанным, фантазером, сумасбродом, трижды безумцем и во всех подробностях описал бедствия, которыми грозит ему эта экспедиция: кораблекрушения, ревматизм, тропическая лихорадка, дизентерия, чума, слоновая болезнь, проказа и тому подобное...

Напрасно Тартарен – Дон Кихот клялся, что будет осторожен, что будет тепло одеваться, что запасется в дорогу всем необходимым, – Тартарен – Санчо ничего не хотел слушать. Бедняге чудилось, что его уже растерзали львы, что его, словно Камбиза, засосали пески пустыни, и другому Тартарену только тогда удалось немного успокоить его, когда он ему объяснил, что это еще не так скоро, что спешить некуда и что, собственно говоря, они же еще не уехали.

В самом деле: ведь никто не пускается в такое путешествие без надлежащей подготовки. Это, черт возьми, дело нешуточное, налегке туда не полетишь.

Прежде всего тарасконец решил перечитать все книги знаменитых путешественников по Африке, путевые очерки Мунго Парка, Кайе, доктора Ливингстона и Анри Дюверье.

В книгах этих он вычитал, что бесстрашные следопыты, прежде чем пускаться в дальние странствия, долгое время приучали себя обходиться без еды, без питья, приучали себя к форсированным переходам, ко всякого рода лишениям. По их примеру Тартарен начал питаться одной *кипяченой водичкой. Кипяченой водичкой* тарасконцы называют горячую воду с плавающими в ней ломтиком хлеба, головкой чесноку, тмином и лавровым листом.

Диета строгая, – можете себе представить, как морщился при виде этого блюда бедняга Санчо!..

К питанию *кипяченой водичкой* Тартарен из Тараскона присовокупил и другие разумные меры. Во-первых, чтобы привыкнуть к долгим переходам, он заставлял себя каждое утро раз семь-восемь подряд обходить город – то скорым шагом, то гимнастическим, прижав локти к туловищу и, по обычаю древних, держа во рту два белых камешка.

Затем, чтобы не бояться ночной прохлады, тумана, росы, он каждый вечер выходил в сад и, спрятавшись за баобаб, выстаивал с ружьем часов до десяти, до одиннадцати.

Наконец, пока зверинец Митен оставался в Тарасконе, охотники за фуражками, поздней ночью возвращавшиеся от Костекальда домой через Замковую площадь, могли видеть во мраке таинственную фигуру, неизменно расхаживавшую взад и вперед за балаганом.

Это Тартарен из Тараскона приучал себя слушать без содрогания львиный рык в ночной темноте.

X
Перед отъездом

Пока Тартарен применял всякого рода героические средства, взоры Тараскона были обращены на него; никто ни о чем другом и не думал. Охота за фуражками влачила самое жалкое существование, романсы сходили на нет. Фортепьяно в аптеке Безюке изнывало от скуки под зеленым чехлом, на котором сохли, брюшком кверху, шпанские мухи... Из-за экспедиции Тартарена вся жизнь в городе замерла.

Надо было видеть, какой успех имел тарасконец в гостиных! Его рвали на части, за него боролись, его выпрашивали друг у друга на время, его похищали. Наивысшим счастьем для дамы было пойти с Тартареном под руку в зверинец Митен и послушать его объяснения перед клеткой со львом: как нужно охотиться на этих лютых зверей, куда целиться, с какого расстояния, как часто бывают несчастные случаи, и т. д. и т. д.

Тартарен отвечал на любые вопросы. Он прочитал Жюля Жерара и знал все приемы охоты на львов как свои пять пальцев, точно сам вдоволь на них поохотился. И рассказывал он об этом необыкновенно увлекательно.

Но особенно хорош он был вечерами, у председателя суда Ладевеза или у бравого командира Бравида, то бишь каптенармуса в отставке, когда после ужина подавался кофе, сдвигались стулья и по просьбе присутствующих он начинал рассказ о своей будущей охоте...

Облокотившись на стол и придвинув к себе чашку с кофе, герой сдавленным от волнения голосом рассказывал о тех опасностях, которые ожидали его в дальних краях. Он говорил о долгих засадах в безлунные ночи, о малярийных болотах, о реках, отравленных олеандровыми листьями, о снегах, о палящем солнце, о скорпионах, о тучах саранчи; еще он говорил о повадках крупных атласских львов, о том, как они нападают, об их необычайной силе, об их свирепости в период спаривания...

Затем, воспламененный своим собственным рассказом, он вскакивал из-за стола и, выбежав на середину столовой, подражал львиному рыку, выстрелу из карабина – бах! бах! – свисту разрывной пули – фюить! фюить! – размахивал руками, рычал, опрокидывал стулья...

Зрители бледнели. Мужчины переглядывались, качали головами, дамы закатывали глаза, тихонько взвизгивая от ужаса, старики воинственно потрясали своими длинными палками, а в соседней комнате мальчуганы, которых спозаранку укладывали спать, проснувшись от рычания и выстрелов, пугались и просили зажечь свет.

А между тем Тартарен все не уезжал.

Xi
На шпагах, господа, на шпагах... Но не на булавках!

Да и собирался ли он уехать?.. Биограф Тартарена затруднился бы ответить на этот щекотливый вопрос.

Так или иначе, зверинец Митен выехал из Тараскона три с лишним месяца тому назад, а истребитель львов по-прежнему не трогался с места... Как знать: быть может, простодушный герой наш, ослепленный новым миражем, сам глубоко поверил, что уже съездил в Алжир. Быть может, когда он повествовал о своей будущей охоте, воображению его рисовалось, что он уже поохотился на львов, – рисовалось не менее отчетливо, чем консульский флаг, который он вывешивал в Шанхае, и стрельба, которую он – бах! бах! – открывал по монголам.

К несчастью, если Тартарен из Тараскона и на сей раз оказался жертвой миража, то все остальные тарасконцы этого избежали. Когда, после трехмесячного ожидания, выяснилось, что охотник еще и одного чемодана не уложил, поднялся ропот.

– Это будет, как с Шанхаем! – усмехаясь, говорил Костекальд.

Словцо оружейника имело в городе огромный успех, ибо никто уже не верил в Тартарена.

Простаки и трусы вроде Безюке, которые и от блохи готовы броситься наутек и которые, прежде чем выстрелить, непременно жмурятся, – они-то как раз были особенно беспощадны. В Клубе, на эспланаде – всюду с насмешливым видом подходили они к бедному Тартарену:

– *Ну чтэ,* как же наше путешествие?

В магазине Костекальда к мнению Тартарена никто больше не прислушивался. Охотники за фуражками отреклись от своего вождя!

Затем посыпались эпиграммы. Председатель суда Ладевез, который в часы досуга охотно приударял за провансальской музой, сочинил на местном наречии песенку, получившую широкое распространение. В ней шла речь об одном знаменитом охотнике по имени мэтр Жерве, грозное оружие которого должно было истребить всех африканских львов поголовно. К несчастью, его окаянное ружье отличалось странной особенностью: сколько ни спускай курок, *а пуля все ни с места.*

А пуля все ни с места! Вы понимаете намек?..

Никто и оглянуться не успел, как песенку подхватил народ, и, когда Тартарен шел по улице, грузчики на пристани и маленькие чистильщики у его калитки распевали хором:

Ружье на славу у Жерве,

Заряжено исправно.

Ружье на славу у Жерве,

А пуля все ни с места.

Однако при его приближении певуны умолкали – во внимание к двойным мускулам.

О, непостоянство тарасконских увлечений!..

Великий человек делал вид, что ничего не замечает, ничего не слышит, на самом же деле эта подпольная мелочная война, которая велась отравленным оружием, досаждала ему жестоко; он чувствовал, что Тараскон от него уходит, что народ переносит свою любовь на других, и это было ему невыносимо тяжело.

Хорошо подсесть к котлу популярности, но гляди, как бы он не опрокинулся, иначе вот как ошпаришься!..

Затаив душевную боль, Тартарен улыбался и, как ни в чем не бывало, продолжал вести мирный образ жизни.

Однако время от времени личина жизнерадостной беспечности, которую он нацепил на себя из самолюбия, внезапно спадала. Тогда горечь и негодование сгоняли с его лица улыбку...

И вот однажды утром маленькие чистильщики, по обыкновению, распевали у него под окнами «Ружье на славу у Жерве», и голоса этих паршивцев донеслись в комнату к бедному великому человеку в то самое время, когда он сидел перед зеркалом. (Тартарен носил бороду, но она у него росла столь стремительно, что он принужден был постоянно за ней следить.)

Вдруг окно с шумом распахнулось, и Тартарен в одной сорочке, в ночном колпаке, с намыленной щекой, потрясая бритвой и кисточкой, громовым голосом крикнул:

– На шпагах, господа, на шпагах!.. Но не на булавках!

И вот эти-то замечательные слова, достойные войти в историю, по ошибке были обращены к каким-то соплякам, ростом не выше их ящиков, к рыцарям, совершенно не владеющим шпагой!

Xii

Разговор в домике с баобабом

Среди всеобщего отступничества одна только армия сохраняла верность Тартарену.

Бравый командир Бравида, он же каптенармус в отставке, выказывал ему прежние знаки уважения. «Он у нас молодец!» – упорно твердил Бравида, а я склонен думать, что его мнение имело несколько больше веса, чем мнение аптекаря Безюке... Ни разу бравый командир не намекнул Тартарену на путешествие в Африку, однако, видя, что недовольство растет, он решился заговорить об этом прямо.

Однажды вечером, когда несчастный Тартарен сидел один у себя в кабинете и его одолевали мрачные думы, к нему торжественно вошел бравый командир в черных перчатках и застегнутом на все пуговицы сюртуке.

– Тартарен, – внушительно произнес старый каптенармус, – Тартарен, надо ехать!

И он продолжал стоять на пороге, неумолимый и властный, как веление долга.

Тартарен из Тараскона понял, что заключалось в этом: «Тартарен, надо ехать!»

Бледный как полотно, он встал, умиленным взором обвел свой прелестный, уютный, теплый, окутанный мягким светом кабинет, широкое и такое удобное кресло, книги, ковер, длинные белые шторы на окнах, за которыми качались тоненькие веточки, затем подошел к бравому командиру, взял его руку и, крепко пожав ее, со слезами в голосе, но твердо проговорил:

– Я поеду, Бравида!

И он сдержал свое слово: уехал. Но только не сразу... Нужно было собраться.

Прежде всего он заказал Бомпару два больших, окованных медью сундука, снабженных длинными пластинками с надписью:

ТАРТАРЕН ИЗ ТАРАСКОНА

ОРУЖИЕ

Оковка и гравировка заняли немало времени. Таставену он заказал великолепный дорожный альбом для дневника и путевых заметок: охота охотой, а ведь в дороге все-таки приходят разные мысли.

Затем он выписал из Марселя целую гору консервов, мясной бульон в таблетках, походную палатку новейшего образца, которую можно было в одну минуту разбить и свернуть, высокие сапоги, два зонта, непромокаемое пальто и синие очки, предохраняющие от глазных заболеваний. Наконец, аптекарь Безюке, составлявший для Тартарена походную аптечку, не поскупился на липкий пластырь, арнику, камфару и уксус для обтираний.

Бедный Тартарен! Он заботился не о себе, – всеми этими мерами предосторожности и трогательными знаками внимания он надеялся утишить гнев Тартарена – Санчо, который, с тех пор как отъезд был решен, не давал ему покоя ни днем, ни ночью.

Xiii

Отъезд

Наконец торжественный, великий день настал.

С зарей весь Тараскон был уже на ногах, он наводнил Авиньонскую дорогу и занял подступы к домику с баобабом.

У окон, на крышах, на деревьях – всюду народ: ронские лодочники, грузчики, чистильщики обуви, мещане, ткачихи, шелкопрядильщицы, члены Клуба – одним словом, весь город; потом бокерцы с того берега, огородники из предместья в повозках с брезентовым верхом, виноделы, восседавшие на стройных мулах, радовавших глаз лентами, кистями, бантами, увеселявших слух бубенцами и колокольчиками, и даже хорошенькие, с голубыми лентами, повязанными вокруг головы, девушки из Арля, сидевшие за спиной у своих кавалеров на крупах серых камаргских лошадок.

Толпа толкалась, теснилась у дома Тартарена, славного г-на Тартарена, который отправлялся к *тэркам* убивать львов.

Для Тараскона Алжир, Африка, Греция, Персия, Турция, Месопотамия составляют одну обширную, весьма неопределенную, почти баснословную страну, и все это вместе называется *тэрки* (турки).

Охотники за фуражками, гордые триумфом своего вождя, мелькали в этой толпе и оставляли за собой как бы борозды славы.

Перед домиком с баобабом две большие тачки. Время от времени калитка отворяется, и тогда видно, что по саду важно разгуливают несколько человек. Носильщики выносят чемоданы, ящики, спальные мешки и укладывают на тачки.

При появлении каждого нового тюка по толпе пробегает трепет. Предметы называются вслух: «Это походная палатка... А это консервы... Аптечка... Ящики с оружием...» Охотники за фуражками дают пояснения.

Около десяти часов толпа всколыхнулась. Калитка растворилась настежь.

– Он!.. Он!.. – раздался крик.

То был он... Когда он появился, в толпе послышались возгласы изумления:

– *Тэрок!*

– В очках!

В самом деле: Тартарен из Тараскона, уезжая в Алжир, счел своим долгом надеть алжирский костюм. Широкие пузырившиеся шаровары из белого полотна, короткая, на металлических пуговицах куртка в обтяжку, живот стянут красным поясом, шириною в два фута, голая шея, бритая голова, гигантская *шешья* (красная феска) с голубой кистью – и

какой длины кистью!.. Сверх того два тяжелых ружья, по одному на каждом плече, большой охотничий нож за поясом, на животе патронташ, сбоку револьвер в кожаной кобуре. Вот и все...

Ах да, виноват, я совсем забыл про очки, огромные синие очки, – они были весьма кстати, ибо смягчали чересчур свирепый вид нашего героя.

– Да здравствует Тартарен!.. Да здравствует Тартарен! – ревела толпа.

Великий человек улыбнулся, но не поклонился, – ему мешали ружья. Притом теперь он хорошо знал, чего стоит любовь толпы; в глубине души он, может быть, даже проклинал жестоких сограждан, по милости коих он принужден был уехать и бросить свой милый, уютный домик – белый домик с зелеными ставнями... Однако внешне он этого никак не выразил.

Величественный и непреклонный, впрочем, немного бледный, он вышел на шоссе, окинул взором тачки и, удостоверившись, что все в порядке, бодрым шагом двинулся к вокзалу, ни разу даже не оглянувшись на домик с баобабом. Следом за ним шествовали бравый командир Бравида, то бишь каптенармус в отставке, и председатель суда Ладевез, за ними оружейник Костекальд и все охотники, за ними двигались тачки, а замыкал шествие народ.

На вокзале Тартарена встретил сам начальник станции, участник африканской кампании 1830 года; он долго, с чувством жал ему руку.

Курьерский поезд Париж – Марсель еще не приходил. Тартарен со своей свитой проследовал в зал ожидания. Во избежание давки начальник станции распорядился закрыть за ними решетчатые двери.

Четверть часа Тартарен, окруженный охотниками за фуражками, прохаживался по залам ожидания. Он говорил с ними о своем путешествии, об охоте, обещал каждому прислать по львиной шкуре. Охотники записывались у него на шкуры, как на кадриль.

Спокойный и кроткий, точно Сократ, принимающий цикуту, бесстрашный тарасконец для каждого находил ласковое слово, всех одарял улыбками. Со всеми он был прост и приветлив, будто хотел, уезжая, оставить после себя след своего обаяния, след сожалений и приятных воспоминаний. Слушая своего вождя, охотники за фуражками прослезились, а некоторые почувствовали даже угрызения совести, как, например, председатель суда Ладевез и аптекарь Безюке.

В углах зала ожидания плакали железнодорожные служащие. Народ, прильнув к решеткам, кричал: «Да здравствует Тартарен!»

Наконец раздался звонок. Глухой грохот и вслед за тем пронзительный свисток потрясли своды вокзала...

– Занимайте места! Занимайте места!

– Прощайте, Тартарен!.. Прощайте, Тартарен!..

– Прощайте все!.. – пробормотал великий человек и запечатлел на щеках бравого командира Бравида поцелуй всему своему милому Тараскону.

Затем он вскочил на подножку и вошел в вагон, где было полно парижанок, и при виде этого странного человека, обвешанного карабинами и револьверами, парижанки обомлели от ужаса.

Xiv

Марсельская гавань. Сейчас отходим! Сейчас отходим!

Первого декабря 186... года, в полдень, при свете зимнего провансальского солнца, в чудный ясный, лучистый день, к великому изумлению марсельцев, на улице Канебьер высадился *тэрок,* да еще какой *тэрок!..* Такого они никогда прежде не видели, а уж *тэрок*-то в Марселе, слава тебе господи, предостаточно!

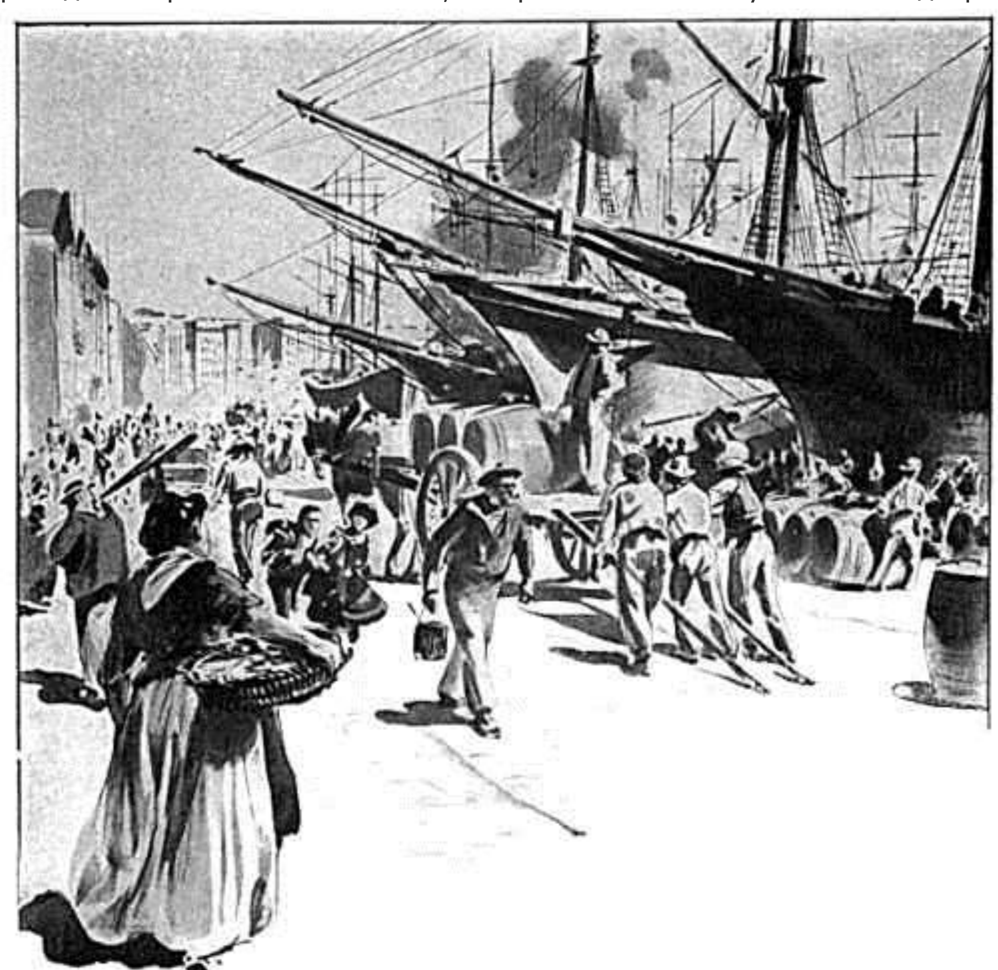
Вряд ли стоит пояснять, что *тэрок,* о коем идет речь, – это Тартарен, великий Тартарен из Тараскона: вместе со своими ящиками, аптечкой и консервами он двигался по направлению к пристани пароходного общества «Туаш», где стоял пакетбот «Зуав», который должен был доставить его *туда.*

В ушах у Тартарена все еще гремели рукоплескания тарасконцев, южное солнце и запах моря пьянили его, и он шел сияющий, гордо подняв голову, с ружьями за плечами, и глядел во все глаза на чудную марсельскую гавань – он видел ее впервые и был ослеплен... Тарасконцу казалось, что все это сон. Ему представлялось, что он – Синдбад-мореход, скитающийся по одному из сказочных городов «Тысячи и одной ночи».

Всюду, куда ни посмотришь, целый лес мачт и рей, перекрещивающихся в разных направлениях. Флаги всех государств: русские, греческие, шведские, тунисские, американские... Вдоль всей набережной корабли с торчащими, как строй штыков, бушпритами. Под бушпритами наяды, богини, девы Марии и другие деревянные раскрашенные фигуры, по имени которых назван тот или иной корабль. Все это обсосано, обглодано морской водой, все это мокро, покрыто плесенью... Кое-где, меж кораблей, клочок моря, словно широкая муаровая лента, забрызганная маслом... Тучами летающие чайки кажутся сквозь сплетение рей причудливыми пятнами на голубом небе. На всех языках перекликаются юнги.

На набережной, между прорытых от мыловаренных заводов сточных канав с густой темно-зеленой водой, насыщенной растительным маслом и содой, кишит племя таможенных чиновников, комиссионеров, извозчиков с их двуколками, в которые впряжены корсиканские лошадки.

Магазины готового платья, самого разнообразного, закопченные бараки, где матросы варят себе пищу, продавцы трубок, обезьянок, попугаев, канатов, парусины, фантастического как попало наваленного хлама, среди которого можно найти старые кулеврины, большущие позолоченные фонари, старые тали, старые, поломанные якоря, старые снасти, старые блоки, старые рупоры, подзорные трубы времен Жана Барта и Дюге-Труэна. Орут сидящие на корточках продавщицы съедобных ракушек. Матросы проносят котлы с варом, дымящиеся чугуны, громадные корзины с осьминогами, которых они моют в мутноватой воде фонтанов.

Повсюду потрясающее обилие всевозможных товаров: шелковых тканей, минералов, леса, свинцовых болванок, сукон, сахару, стручков, рапса, лакрицы, сахарного тростника. Смесь Востока и Запада. Горы голландского сыру, который генуэзцы красят собственноручно в красный цвет.

А там – хлебная пристань; грузчики, взобравшись на высокие мостки, сыплют на берег зерно из мешков. Зерно потоком золота струится в белом дыму. Мужчины в красных фесках мерным движением трясут его в больших ситах из ослиной кожи, а потом грузят на повозки, и повозки удаляются, сопровождаемые целым полчищем женщин и детей с метелками и корзинками... Дальше – док: огромные корабли, лежащие на боку, – их опаливают огнем костров, сложенных из хвороста, и таким образом очищают от водорослей, – реи,

погрузившиеся в воду, запах смолы, оглушительный стук, поднимаемый плотниками, которые обшивают деревянные борта судов большими медными листами.

Кое-где между мачтами просветы. В них Тартарену были видны вход в гавань, беспрестанное движение судов, то английский фрегат, отбывавший на Мальту, нарядный, сверкавший чистотой, с офицерами в желтых перчатках, то крупный марсельский бриг: он отчаливал под крики и ругань, а на корме его стоял толстый капитан в сюртуке и шелковой шляпе и подавал команду на провансальском наречии. Иные корабли на всех парусах уносились в море. Иные, залитые солнцем, словно плывя по воздуху из еле видной дали, медленно подходили к гавани.

И потом этот ужасный, немолчный шум: грохот повозок, матросское: «Ставь паруса!» – брань, песни, свистки пароходов, барабаны и горны с форта св. Иоанна, с форта св. Николая, звон колоколов кафедрального собора, звон колоколов церкви св. Виктора. А надо всем этим мистраль: он подхватывает эти гулы, эти возгласы, крутит их, подбрасывает, сливает со своим собственным ревом, и получается сумасшедшая, дикая, героическая музыка, напоминающая зов мощного путевого рога, при звуках которого хочется куда-то умчаться, унестись далеко-далеко, хочется крыльев.

Под этот манящий звук рога бесстрашный Тартарен из Тараскона и отбыл в страну львов...

Эпизод второй

У тэрок

I

Плавание. Пять положений шешьи. На третий день. Спасите!

Я хотел бы, дорогие читатели, быть не просто художником, а великим художником, чтобы в начале второго эпизода представить вашему взору различные положения, какие принимала *шешья* Тартарена из Тараскона в продолжение его трехдневного плавания на «Зуаве» из Франции в Алжир.

Прежде всего я показал бы вам ее в момент отплытия, на палубе: вот она, героическая, великолепная, венчает прекрасную голову тарасконца. Далее я показал бы вам ее по выходе из гавани, когда «Зуава» начало слегка подбрасывать на волнах: вот она, дрожащая, изумленная, как бы ощущающая первые признаки морской болезни.

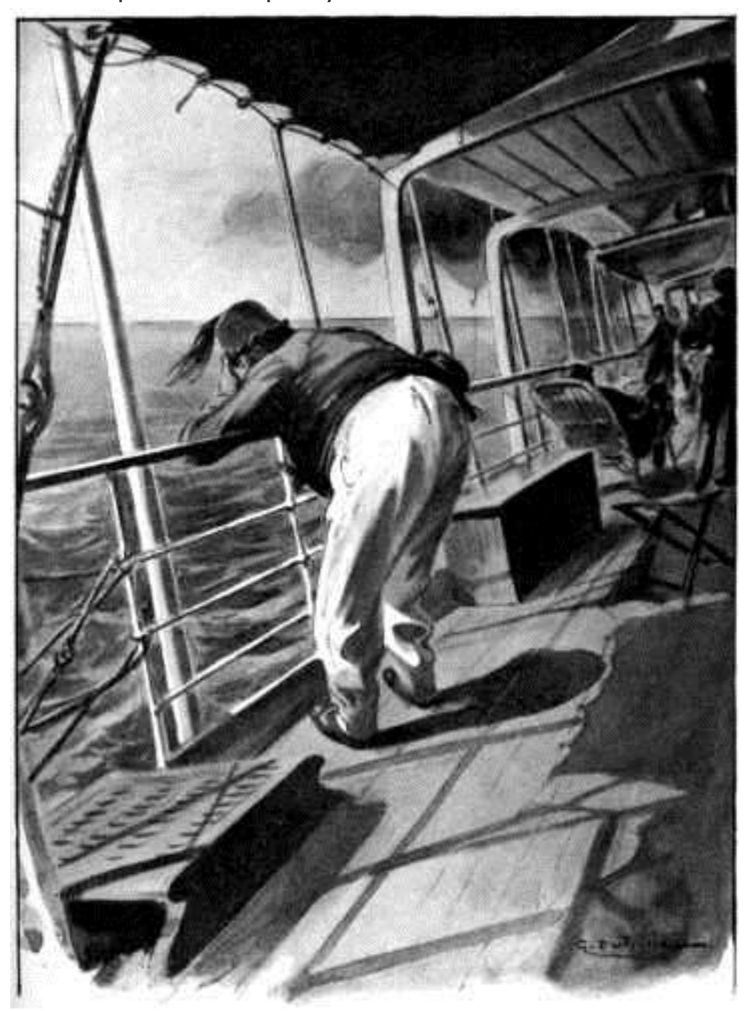
Затем я показал бы вам ее в Лионском заливе, когда судно уходило все дальше и дальше от берега, а море заметно хмурилось: вот она борется с ветром, от страха становится торчком на голове героя, а ее громадная кисть из голубой шерсти топорщится, противоборствуя туману и вихрю... Четвертое положение – в шесть часов вечера, в виду берегов Корсики. Злополучная *шешья* перевешивается через борт и испытующе, с тоской озирает море... Наконец, пятое и последнее положение: в тесной каюте, на узкой койке, похожей на ящик комода, нечто бесформенное, стеная, мечется в отчаянии по подушке. Это *шешья,* та самая *шешья,* у которой был такой геройский вид при отъезде; сейчас она низведена до степени обыкновенного ночного колпака, надвинутого на уши бледному, конвульсивно вздрагивающему больному...

Ах, если бы тарасконцы видели их великого Тартарена, распростертого в ящике от комода, при тусклом, унылом свете, проникающем в иллюминаторы, дышащего противным запахом кухни и мокрого дерева, тошнотворным запахом пакетбота! Если бы они слышали, как он кряхтит при каждом обороте винта, через каждые пять минут требует чаю и пискливым детским голосом бранит официанта, – как бы они раскаялись, что заставили Тартарена уехать!.. Честное слово биографа, бедный *тэрок* являл собою жалкое зрелище. Застигнутый врасплох морской болезнью, несчастный Тартарен не в состоянии был ослабить свой алжирский пояс, освободиться от своих бранных доспехов. Толстая рукоятка

охотничьего ножа давила ему грудь, кобура револьвера врезалась в бок. А в довершение всего – воркотня Тартарена – Санчо, который хныкал и бранился не переставая:

– Дурак ты, дурак!.. Говорил я тебе!.. В Африку ему захотелось... Ну, вот тебе твоя Африка!.. Что, хороша?..

Мучительнее всего было то, что, лежа у себя в каюте, несчастный Тартарен сквозь собственные стоны слышал, как в кают-компании пассажиры ели, смеялись, играли в карты, пели. На «Зуаве» собралось веселое, многолюдное общество. Офицеры, возвращавшиеся в свой полк, дамы из марсельского «Алькасара», странствующие актеры, богатый мусульманин, совершавший очередное паломничество в Мекку, черногорский князь, большой шутник, подражавший Равелю и Жилю Пере... Никто из них морской болезнью не страдал, все они охотно пили шампанское с капитаном «Зуава», тучным марсельцем, который любил пожить в свое удовольствие, имел две семьи – одну в Марселе, другую в Алжире – и которому очень шла его весело звучавшая фамилия Барбасу.

Тартарен из Тараскона ненавидел всех этих дрянных людишек. От их веселья ему становилось еще хуже...

Наконец, в середине третьего дня, на пароходе вдруг поднялся страшнейший переполох, и это вывело нашего героя из состояния длительного оцепенения. На носу зазвонил колокол. По палубе затопали тяжелые матросские сапоги.

– Вперед!.. Задний ход!.. – хриплым голосом кричал капитан Барбасу.

Затем: «Стоп машина!» Остановка, сильный толчок, и все... Пакетбот тихо покачивался, точно воздушный шар на привязи...

Это необычное затишье навело на тарасконца страх.

– Спасите! Тонем! – закричал он диким голосом и, сделав над собой сверхъестественное усилие, вскочил и со всеми своими доспехами устремился на палубу.

II

К оружию! К оружию!

Пароход вовсе не тонул, он просто причаливал.

«Зуав» стал на рейде; вода здесь была глубока и темна, и весь этот красивый, но почти совсем пустынный рейд был мрачен и тих. Напротив, на холме, белел Алжир; его иссиня-белые домики, лепясь один к другому, спускались к морю. Точь-в-точь выставка белья на Медонском холме. А надо всем этим раскинулось синее атласное небо, синее-синее!..

Достославный Тартарен, слегка приободрившись, смотрел вокруг и почтительно внимал черногорскому князю, который, стоя рядом с ним, называл кварталы города: Касбах, Верхний город, Бабассунская улица. Этот черногорский князь был прекрасно воспитан; к тому же он отлично знал Алжир и свободно изъяснялся по-арабски. Приняв все это во внимание, Тартарен решил поддерживать с ним знакомство... Он стоял с ним рядом, прислонившись к борту, и вдруг увидел, что снаружи в защитную сетку вцепилась шеренга больших черных рук. Почти тотчас же перед ним выросла курчавая голова негра, и не успел он и рта раскрыть, как палубу заполонили набежавшие со всех сторон корсары, человек сто, – черные, желтые, полуголые, страшные, безобразные.

Тартарен узнал этих корсаров... Это были те самые, то есть *они,* пресловутые *они,* с которыми он так долго искал по ночам встречи на улицах Тараскона. Наконец-то *они* осмелились показаться!

...В первую секунду Тартарен обмер от неожиданности. Когда же корсары бросились к вещам, сорвали с них брезент, а затем принялись грабить судно, в Тартарене проснулся герой – он выхватил охотничий нож и, крикнув пассажирам: «К оружию! К оружию!» – первый ринулся на пиратов.

– Эй, эй! Что случилось? Что с вами? – выйдя из рубки, спросил капитан Барбасу.

– Ах, это вы, капитан!.. Скорей, скорей, вооружайте экипаж!

– Свят, свят, свят! Это зачем же?

– Да разве вы не видите?..

– А что такое?...

– Да вот же они... перед вами... пираты...

Капитан Барбасу смотрел на него в полном недоумении. В эту минуту громадина негр с аптечкой нашего героя на спине пробежал мимо них.

– Мошенник!.. Куда ты?.. – взвыл тарасконец и, взмахнув кинжалом, бросился за ним.

Барбасу догнал его и, держа за пояс, рявкнул:

– Стойте смирно, тысяча чертей!.. Какие это пираты!.. Пиратов давно нет... Это носильщики.

– Носильщики?..

– Ну да, носильщики, они перетаскивают вещи на берег... Спрячьте-ка нож, отдайте мне ваш билет и идите вон за тем негром: он малый славный, он вас доставит на берег и даже проводит до гостиницы, если хотите!..

Тартарен, слегка смущенный, отдал билет и спустился вслед за негром по веревочной лестнице в большую лодку, плясавшую на волнах у борта парохода. Все его вещи – чемоданы, ящики с оружием, консервы – были уже там, а так как ими завалили всю лодку, то

ждать других пассажиров не имело смысла. Негр, как обезьяна, вскарабкался на багаж, уселся на корточки и обхватил руками колени. Другой негр сел за весла... Оба смотрели на Тартарена, посмеиваясь и скаля белые зубы.

Великий тарасконец стоял на корме и, придав своему лицу то свирепое выражение, которое повергало в трепет его сограждан, нервно крутил рукоять ножа: что бы ни говорил Барбасу, он еще далеко не убедился в благонамеренности этих носильщиков, цвет кожи которых напоминал черное дерево, – уж очень они были не похожи на славных тарасконских грузчиков...

Через пять минут шлюпка пристала к берегу, и Тартарен сошел на узкую берберийскую набережную, где триста лет тому назад каторжник испанец по имени Мигель Сервантес под палками алжирских надсмотрщиков вынашивал дивный роман, который он озаглавил впоследствии «Дон Кихот».

III

Обращение к Сервантесу. Высадка. Где же тэрки? Тэрок нет. Разочарование

О Мигель Сервантес Сааведра! Если правда, что там, где жили когда-то великие люди, какая-то частица их души носится и реет в воздухе до скончания века, значит, то, что осталось от тебя на берберийском побережье, наверное, затрепетало от восторга при виде того, как высаживался на берег Тартарен из Тараскона, этот изумительный тип француза-южанина, в котором воплотились оба героя твоей книги – Дон Кихот и Санчо Панса...

День стоит жаркий. На залитой солнцем набережной – пять-шесть таможенников, алжирцы, поджидающие вестей из Франции, мавры, поджавшие под себя ноги и покуривающие длинные трубки, мальтийские матросы, тянущие громадные сети, а в петлях этих сетей тысячи сардинок сверкают, точно серебряные монетки.

Но едва Тартарен ступил на сушу, как вся набережная пришла в движение и преобразилась. Орда дикарей, еще более отталкивающих, чем корсары на корабле, поднялась с камней и бросилась на приезжего. Рослые арабы, накинувшие шерстяные бурнусы прямо на голое тело, маленькие мавры в лохмотьях, негры, тунисцы, маонцы, мзабиты, гостиничная прислуга в белых фартуках – все это кричало, орало, цеплялось за его платье, вырывало друг у друга его багаж: один тащил консервы, другой аптечку, и, забивая ему уши невообразимой тарабарщиной, сыпало какими-то совершенно невероятными названиями гостиниц...

Сбитый с толку всей этой кутерьмой, бедный Тартарен бросался то туда, то сюда, бранился, чертыхался, метался, устремлялся в погоню за своими вещами и, стараясь изо всех сил, чтобы эти варвары его поняли, обращался к ним по-французски, по-провансальски, прибегал даже к латыни – к латыни Пурсоньяка: rosa, bonus, bona, bonum[1] – это все, что он знал... Напрасный труд. Его никто не слушал... К счастью, какой-то человек в мундире с желтым воротом вмешался в схватку, как гомеровский бог, и палкой разогнал весь этот сброд. Это был алжирский полицейский. В самых учтивых выражениях он посоветовал Тартарену остановиться в Европейской гостинице, поручил его заботам служащих этой гостиницы, и те, погрузив на несколько тележек его пожитки, повели Тартарена в гостиницу.

В Алжире Тартарен из Тараскона на каждом шагу широко раскрывал глаза. Он-то себе представлял волшебный, сказочный восточный город, нечто среднее между Константинополем и Занзибаром... А попал он в самый настоящий Тараскон... Кофейни, рестораны, широкие улицы, четырехэтажные дома, небольшая площадь с макадамовой мостовой, где военный оркестр играл польки Оффенбаха, мужчины за столиками пили пиво и закусывали пышками, гуляли дамы, девицы легкого поведения, военные, опять военные, на каждом шагу военные... и ни одного *тэрка!..* За исключением Тартарена. Переходя площадь, он даже почувствовал себя неловко. Все на него смотрели. Военный оркестр смолк, и полька Оффенбаха повисла в воздухе.

С двумя ружьями за плечами, с револьвером на боку, суровый и величественный, как Робинзон Крузо, Тартарен чинно шествовал мимо всего этого люда, но при входе в гостиницу силы его оставили. Отъезд из Тараскона, гавань в Марселе, плавание, черногорский князь, пираты – все это путалось и кружилось у него в голове... Пришлось на руках внести его в номер, снять с него доспехи, раздеть... Думали было послать за доктором, но герой наш только добрался до подушки – и сейчас же захрапел до того громко и заливисто, что хозяин гостиницы почел медицинскую помощь излишней, и все почтительно удалились.

IV

Первая засада

На городских часах пробило три, когда Тартарен пробудился. Он проспал весь вечер, всю ночь, все утро и прихватил еще добрую половину дня. И неудивительно: *шешья* столько всего натерпелась за трое суток!..

Первой мыслью героя, едва он раскрыл глаза, было: «Я в стране львов!» И – нечего греха таить – от одного сознания, что львы совсем близко, в двух шагах, можно сказать, под рукой и что с ними предстоит помериться силами – брр!.. мороз подрал у него по коже, и он бесстрашно юркнул под одеяло.

Однако мгновение спустя веселый уличный шум, синее-синее небо, яркое солнце, потоками вливавшееся в комнату, вкусный завтрак, поданный ему в постель, распахнутое окно, выходившее прямо на море, и, наконец, бутылка отличного критского вина, которым все это было спрыснуто, вернули Тартарену его геройский дух.

– На львов! На львов! – сбросив с себя одеяло, воскликнул он и проворно оделся.

План его был таков: никому ни слова не сказав, уйти из города прямо в пустыню, дождаться ночи, засесть в засаду и – бах! бах! в первого же льва... Наутро вернуться к завтраку в Европейскую гостиницу, принять поздравления алжирцев и послать тележку за убитым зверем.

Итак, он поспешно вооружился, взвалил на спину походную палатку, так что ее здоровенный шест торчал у него над головой, и, поневоле держась прямо, как палка, вышел на улицу. Чтобы не раскрывать своих замыслов, он ни у кого не стал спрашивать дорогу, а круто повернул направо, дошел до Бабассунских ворот, где из грязных лавчонок на него смотрели алжирские евреи, забившиеся по углам, как пауки, пересек Театральную площадь и, миновав предместье, вышел на пыльную Мустафскую дорогу.

На этой дороге творилось что-то невероятное. Омнибусы, фиакры, двуколки, фуры, громадные возы с сеном, в которые были впряжены волы, эскадрон африканских стрелков, стада крохотных осликов, негритянки, продававшие лепешки, повозки с эльзасскими переселенцами, кавалеристы в красных плащах – все это двигалось в вихре пыли, под крики, пение и звуки труб, между двумя рядами хибарок, у дверей которых рослые маонки расчесывали себе волосы, кабачков, битком набитых солдатами, мясных лавок и живодерен.

«Что же это мне наврали про Восток? – думал великий Тартарен. – Здесь еще меньше *тэрок,* чем в Марселе».

Вдруг он увидел прямо перед собой выбрасывавшего длинные ноги, надутого, как индюк, великолепного верблюда. Сердце у Тартарена сильно забилось.

Вот уже верблюды! Значит, и львы недалеко. В самом деле: минут через пять он увидел целое войско охотников на львов, двигавшееся ему навстречу с ружьями за плечами.

«Трусы! – поравнявшись с ними, подумал наш герой. – Трусы! Выходить на льва целым отрядом, да еще и с собаками!» Он не допускал мысли, что в Алжире можно охотиться на что-нибудь другое, кроме львов. Однако у охотников был такой добродушный вид – вид торговцев, почивших от дел, – а в охоте на львов с собаками на своре и с ягдташами у пояса было что-то до того патриархальное, что Тартарен, слегка заинтригованный, не выдержал и обратился к одному из этих господ:

– Ну что, приятель, хорошо поохотились?

– Недурно, – ответил охотник, испуганным взглядом окинув внушительные воинские доспехи Тартарена.

– Много убили?

– А как же... Порядочно... Вот посмотрите.

И алжирский охотник показал на свой ягдташ, до отказа набитый кроликами и бекасами.

– То есть как? В ягдташи?.. Вы кладете их в ягдташи?

– А куда же еще прикажете их класть?

– Значит, они... совсем маленькие?..

– Есть маленькие, есть и побольше, – пояснил охотник.

Он спешил домой и, прибавив шагу, быстро нагнал товарищей.

Бесстрашный Тартарен в изумлении продолжал стоять прямо посреди дороги... Затем, подумав с минуту, он сказал себе: «А, это они мне очки втирают!.. Ничего они не убили...» И продолжал свой путь.

Между тем дома и прохожие попадались все реже. Спускалась ночь, очертания предметов расплывались... Тартарен из Тараскона шагал еще с полчаса... Наконец остановился... Была уже глубокая ночь. Ночь безлунная, и только частые звезды пронизывали ее мрак. На дороге ни души... Наш герой утешился мыслью, что львы не дилижансы и что ходить по большим дорогам им не расчет. Он свернул в поле... Что ни шаг – рытвины, кусты, колючки. Не беда! Он шел все дальше и дальше... И вдруг – стоп! «Здесь пахнет львом», – решил Тартарен и, повернувшись сперва направо, потом налево, дважды с силой втянул в себя воздух.

V

Бах! Бах!

Перед ним простиралась дикая пустыня, заросшая причудливыми растениями, теми самыми восточными растениями, которые так похожи на ощетинившихся зверей. Их громадные тени, казавшиеся еще длиннее при бледном свете звезд, тянулись по земле во всех направлениях. С правой стороны неясно очерчивалась тяжелая громада гор – быть может, Атлас!.. Слева глухо рокотало невидимое море... Где же и водиться диким зверям, как не здесь?

Положив одно ружье перед собой, а другое взяв в руки, Тартарен стал на колено и замер в ожидании... Так он прождал час, другой... Никого!.. Тут он вспомнил, что знаменитые истребители львов, о которых он читал в книгах, никогда не ходят на охоту без козленка: они привязывают его, сами располагаются в нескольких шагах, дергают его за веревку, а он

блеет. За неимением козленка тарасконец решил прибегнуть к звукоподражанию и жалобно заблеял: «Мэ-э-э! Мэ-э-э!..» Сперва совсем тихо, ибо в глубине души он все-таки побаивался, как бы лев и правда его не услыхал... Затем, убедившись, что никто не появляется, заблеял громче: «Мэ-э-э!.. Мэ-э-э!..» Опять никого!.. Тогда, сгорая от нетерпения, он проблеял несколько раз подряд: «Мэ-э-э! Мэ-э-э! Мэ-э-э!..» – столь громогласно, что на козленка это уже мало было похоже, а скорее напоминало быка...

Внезапно впереди, в нескольких шагах от него, что-то темное, громадное припало к земле. Тартарен притаился... Это «что-то» нагнулось, обнюхало землю, отскочило, напружилось, пустилось вскачь, затем вернулось и вдруг остановилось как вкопанное... Вне всякого сомнения, это был лев!.. Теперь уже явственно были видны четыре короткие лапы, могучая шея и два глаза, два больших глаза, блестевших во тьме... На прицел! Пли! Бах! бах!.. Готово! Вслед за тем прыжок назад, охотничий нож крепко зажат в руке.

В ответ на выстрел тарасконца послышался отчаянный рев.

– Вот оно! – вскричал славный Тартарен и, широко расставив свои крепкие ноги, приготовился к битве со зверем, но зверю было совсем не до этого: он с ревом умчался во всю прыть. Тартарен, однако, не шевелился. Он поджидал львицу... Совсем как в книгах!

На беду, львица не появлялась. Прождав часа три, тарасконец почувствовал, что силы ему изменяют. Было сыро, холодно, с моря дул резкий ветер.

«Что, если я посплю до рассвета?» – сказал он себе и, чтобы не схватить ревматизма, решил разбить палатку... Но – черт бы ее побрал, эту палатку: устройство ее оказалось столь хитроумным, столь хитроумным, что ему так и не удалось ее раскрыть.

Целый час он корпел, пыхтел – проклятая палатка все не раскрывалась... Бывают зонтики, которые так с нами шутят во время самого ливня... Выбившись из сил, тарасконец швырнул это приспособление на землю и, ругаясь, как истинный провансалец, лег прямо на него.

– Та-та, ра-та, та-ра-та!

– Это еще что?.. – подскочив, воскликнул Тартарен.

Это африканские стрелки трубили зорю в мустафских казармах... Истребитель львов в полном изумлении протер глаза... Он-то думал, что кругом пустыня!.. А знаете, где он спал? На грядке артишоков, между цветной капустой и свеклой. В его Сахаре произрастали овощи... Совсем близко, на прелестном зеленом склоне Верхнего Мустафы, блестели обрызганные утренней росой белые алжирские виллы: точь-в-точь окрестности Марселя, его дачи и мызы.

У спящей природы был вид мещанки-огородницы, и это крайне удивило бедного Тартарена и привело его в прескверное расположение духа.

«Местные жители сошли с ума, – говорил он себе. – Разводить артишоки под носом у льва!.. Ведь я же все-таки не грезил... Львы сюда заходят... И вот доказательство...»

Доказательством являлись кровавые пятна, которые зверь, убегая, оставлял за собой. Нагибаясь над следом, то и дело оглядываясь по сторонам и сжимая револьвер в руке, отважный тарасконец шагал-шагал через артишоки и, наконец, вышел к полоске овса... Примятый овес, лужа крови, а в луже крови лежал на боку, с зияющей раной в голове... угадайте, кто?

– Да лев же, черт побери!..

Увы! Осел, один из тех малюсеньких осликов, которых так много в Алжире и которых там называют «вислоухенькими».

VI

Появление львицы. Страшная битва. Сбор молодцов

Первым душевным движением Тартарена при виде злосчастной жертвы была досада. В самом деле: вислоухенький – это немножко не то, что лев!.. Затем досада сменилась жалостью. Бедный вислоухенький был так мил, у него была такая добродушная мордочка! Бока его, еще теплые, поднимались и опускались, как волны. Тартарен стал на колени и концом своего алжирского пояса попытался остановить у несчастного животного кровотечение. Великий человек, ухаживающий за маленьким осликом, – ничего трогательнее этого нельзя себе представить!

Почувствовав мягкое прикосновение пояса, вислоухенький, в котором еще теплилась жизнь, раскрыл большой серый глаз и запрядал длинными ушами, точно хотел сказать: «Благодарю!.. Благодарю!» Последняя судорога свела все его тело от головы до хвоста, и больше он уже не шевельнулся.

– Черныш! Черныш! – внезапно послышался чей-то сдавленный от волнения голос.

Вслед за тем зашуршали ветки ближних кустов... Тартарен едва успел вскочить и приготовиться к обороне... То была львица!

Грозная, рыкающая, она явилась в образе старой эльзаски, в косынке, с большим красным зонтом, и так громко звала она своего ослика, что ей отвечало и ближнее и дальнее эхо Мустафы. Тартарен, разумеется, предпочел бы иметь дело с разъяренной львицей, чем с этой старой ведьмой... Тщетно пытался несчастный объяснить ей, как было дело, что Черныша он принял за льва... Старуха была уверена, что Тартарен смеется над ней, и с неистовым криком: «У, сатана проклятый!» – она принялась охаживать нашего героя зонтом. Слегка растерявшись, Тартарен защищался все же как мог, отбивался карабином, пыхтел, отдувался, подпрыгивал, кричал: «Сударыня, полно!.. Сударыня, полно!..» Куда там! Сударыня была глуха к его мольбам, что подтверждалось возрастающей силой ее ударов.

К счастью, на поле сражения появилось третье лицо. Это был муж эльзаски, тоже эльзасец, содержатель трактира, отлично считавший в уме. Поняв, с кем имеет дело, поняв, что убийца счастлив был бы возместить убытки, он обезоружил свою супругу и живо поладил с Тартареном.

Тартарен уплатил двести франков, тогда как ослик стоил не больше десяти: это обычная цена вислоухеньким на арабских базарах. Затем бедного Черныша похоронили под фиговым деревом, и эльзасец, которого развеселил блеск тарасконских дуро, пригласил героя заморить червячка в своем заведении, стоявшем при дороге, совсем близко отсюда. Алжирские охотники завтракали у него каждое воскресенье: эта долина была их излюбленным местом охоты, ибо кролики тут водились в изобилии.

– А львы? – осведомился Тартарен.

Эльзасец взглянул на него с явным изумлением:

– Львы?

– Ну да... львы... Вам приходилось их видеть? – уже менее уверенно продолжал бедный Тартарен.

Трактирщик прыснул:

– Вот грех тяжкий!.. Львы... Да что им тут делать?

– Разве их нет в Алжире?..

– Честное слово, я их отродясь не видел... А ведь я двадцать лет живу в этой провинции. Что-то, помнится, я про них слышал... Не то в газетах... Но только это далеко отсюда, где-то на юге...

Они подошли к кабачку. Это был обыкновенный загородный кабачок, как где-нибудь в Ванве или Пантене, с засохшей веткой над дверью, с биллиардными киями, намалеванными на стене, и с нестрашной вывеской:

СБОР МОЛОДЦОВ

Сбор молодцов!.. О, Бравида! Какие приятные воспоминания!

VII

История омнибуса, мавританки и жасминовых четок

Это первое приключение кого угодно могло бы обескуражить, однако люди Тартареновой закалки не так-то легко сдаются.

«Львы – на юге? – думал наш герой. – Ну что ж, поеду на юг!»

Съев все до последнего кусочка, Тартарен встал, поблагодарил хозяина, в знак полного примирения расцеловался со старухой, пролил последнюю слезу над незадачливым Чернышом и, нимало не медля, повернул обратно в Алжир с твердым намерением уложить вещи и сегодня же уехать на юг.

К несчастью, Мустафская дорога со вчерашнего дня стала как будто еще длиннее, – жара, пыль! Палатка тяжеленная!.. Почувствовав, что не в силах идти пешком, Тартарен сделал знак первому же нагнавшему его омнибусу и вскочил на подножку...

Бедный Тартарен из Тараскона! Насколько же лучше было бы для его доброго имени, для его славы, если б он не связывался с этой роковой колымагой, а продолжил бы пешее хождение, рискуя рухнуть под давлением атмосферы, походной палатки и тяжелых двуствольных ружей!..

Тартарен вошел. Омнибус был полон. В глубине, уткнувшись в молитвенник, сидел алжирский мулла с окладистой черной бородой. Напротив – молодой мавр, из купцов, курил толстую папиросу. Дальше – мальтийский матрос и несколько мавританок, закутанных в белые чадры, так что видны были только глаза. Дамы эти ездили помолиться на кладбище Абдэль-Кадер, но это мрачное путешествие, видимо, не опечалило их. Прикрываясь чадрами, они болтали, смеялись, ели хрустевшее на зубах печенье.

Тартарену показалось, что они поглядывают на него. Особенно одна, сидевшая напротив, как впилась в него глазами, так потом всю дорогу их уже не отводила. Хотя дама была под чадрой, однако живость ее больших черных подведенных глаз, прелестное тонкое запястье, все в золотых браслетах, время от времени выглядывавшее из-под покровов, самый звук ее голоса, изящный поворот головы, в котором было даже что-то детское, – все говорило о том, что покровы скрывают обворожительное, молодое, красивое тело... Несчастный Тартарен не знал, куда деваться. Безмолвный призыв дивных восточных глаз смущал его, волновал, терзал; его бросало то в жар, то в холод...

В довершение всего он ощутил прикосновение дамской туфельки: она скользила по его грубым охотничьим сапогам, эта крохотная туфелька, скользила и шмыгала красной мышкой... Как быть? Ответить на этот взгляд, на это движение? Да, но что потом?.. Любовное похождение на Востоке – это что-то ужасное!.. Пламенному южному воображению славного Тартарена уже представлялось, что он попадает в руки евнухов, что ему рубят голову, зашивают в кожаный мешок и швыряют в море и его самого, и его отрубленную голову. Это его несколько охладило... Туфелька между тем продолжала в том же духе, глаза, смотревшие на него в упор, раскрывались все шире и шире, как два огромных черных бархатистых цветка, и словно молили: «Сорви нас!..»

Омнибус остановился на Театральной площади, в начале Бабассунской улицы. Мавританки, путаясь в длинных шароварах и движением, исполненным дикой грации, придерживая чадры, одна за другой вышли из омнибуса. Соседка Тартарена встала после всех и, подняв голову, прошла мимо него так близко, что он ощутил на своем лице ее дыхание – букет юности, жасмина, печенья и мускуса.

Тарасконец не устоял. Опьяненный любовью, готовый на все, он бросился за мавританкой... Услышав за собой лязг его доспехов, она обернулась, приложила палец к чадре, как бы говоря: «Тсс!» – и быстрым движением другой руки бросила ему ароматные четки из цветов жасмина. Тартарен нагнулся поднять их, но так как герой наш был слегка тучноват да к тому же увешан доспехами, то эта операция продолжалась довольно долго...

А когда он, прижав к сердцу жасминовые четки, выпрямился, – мавританки и след простыл.

VIII
Львы атласа, спите!

Львы Атласа, спите! Спите спокойно в своих логовах, среди алоэ и диких кактусов!.. Еще несколько дней Тартарен из Тараскона вас не тронет. Пока что все его орудия войны – ящики с оружием, аптечка, походная палатка, консервы – мирно лежат в запакованном виде в Европейской гостинице, в углу 36-го номера.

Спите безмятежно, огромные рыжие львы! Тарасконец охотится за мавританкой. После встречи в омнибусе несчастному все время чудится, будто по его ноге, объемистой ноге

заядлого охотника, семенит красная мышка, а в ветре с моря, касающемся его уст, он неизменно улавливает запах, напоминающий ему предмет его страсти, – запах печенья и аниса.

Подайте Тартарену его берберийку!

Но это совсем не так просто! Найти в городе со стотысячным населением особу, о которой ничего не известно, кроме запаха, туфелек и цвета глаз! Только безумно влюбленный тарасконец способен отважиться на подобное приключение.

Самое ужасное – это что под своими длинными белыми чадрами все мавританки похожи одна на другую; притом эти дамы редко выходят из дому, и, чтобы их увидеть, нужно подняться в Верхний город, арабский город, город *тэрков.*

Настоящее разбойничье гнездо этот Верхний город! Грязные узенькие улочки, взбирающиеся по отвесным горам между двумя рядами подозрительных домишек, кровли которых сходятся, образуя туннель. Низенькие двери, крошечные оконца, безмолвные, унылые, зарешеченные. Справа и слева мрачные притоны, где угрюмые *тэрки* с головами корсаров, сверкая белками и скаля зубы, курят длинные трубки и о чем-то шепчутся, точно замышляют что-то недоброе...

Сказать, что наш Тартарен без волнения шел по этому страшному городу, – значит сказать неправду. Нет, он был крайне взволнован; по этим темным улицам, в которых едва умещался его толстый живот, наш доблестный муж двигался с величайшей осторожностью, оглядываясь по сторонам, держа указательный палец на спусковом крючке револьвера. Совсем как в Тарасконе, по дороге в Клуб! Каждую секунду он ждал, что сзади на него нападет орава евнухов и янычар, но желание увидеться с дамой сердца придавало ему титаническую силу и отвагу.

Целую неделю бесстрашный Тартарен не выходил из Верхнего города. Он то часами простаивал перед мавританскими банями и ждал, когда оттуда выйдут, поеживаясь на свежем воздухе, и разлетятся стайками пахнущие чистотой женщины, то, присев на корточки возле какой-нибудь мечети, потел и пыхтел, стаскивая тяжеленные сапоги, прежде чем войти в святилище.

Порой, когда уже темнело и тарасконец, измученный поисками, равно бесплодными как возле бань, так и в мечети, проходил мимо мавританских домов, до него доносились монотонное пение, приглушенный звон гитары, рокот тамбурина и тихий женский смех, от которого у него сильно билось сердце.

«Может быть, она там!» – думал он.

Если на улице никого не было, он подходил к дому, приподнимал тяжелый молоток и робко стучал в низенькую дверь... Пение и смех мгновенно смолкали. За стеной слышалось только невнятное перешептывание, похожее на шорох в птичнике, который погружается в сон.

«Приготовимся! – говорил себе наш герой. – Сейчас что-нибудь произойдет!..»

Но чаще всего происходило вот что: на голову ему выливали полный горшок холодной воды или же его обсыпали апельсинными корками и косточками от берберийских фиг... Ничего более существенного не случилось ни разу...

Львы Атласа, спите спокойным сном!

IX
Князь Григорий Черногорский

Целых две недели злосчастный Тартарен искал свою алжирскую даму, и весьма вероятно, что он искал бы ее и по сие время, если бы провидение, пекущееся обо всех влюбленных, не пришло к нему на помощь в обличье черногорского вельможи. Вот как было дело.

Зимой по субботам в самом большом театре Алжира устраиваются балы-маскарады, точь-в-точь такие же, как в парижской Опере. Это самые заурядные, скучнейшие провинциальные балы-маскарады. Полупустой зал, подонки Бюлье и Казино, податливые девицы, следующие за армией, помятые арлекины, какие-то типы, нарядившиеся вконец обнищавшими грузчиками, пять-шесть прачек-маонок, пустившихся во все тяжкие, но сохранивших от прежней добродетельной жизни запах чеснока и шафранного соуса... Самое, однако, любопытное происходит не здесь, а в фойе, превращенном ради такого случая в игорный зал... Вокруг длинных зеленых столов толчется возбужденная пестрая толпа: получившие отпуск тюркосы, которые ставят монеты, взятые взаймы, мавританские купцы из Верхнего города, негры, мальтийцы, колонисты из провинциальной глуши – эти тащились

сорок миль только для того, чтобы поставить на карту плуг или пару волов... Все бледны, дрожат, как в лихорадке, у всех стиснуты зубы, и у всех – присущий игрокам особенный взгляд: мутный, исподлобья, устремленный на одну и ту же карту, отчего глаза у них начинают косить.

Немного подальше – алжирские евреи, играющие целыми семьями. На мужчинах восточные одеяния, чудовищными по своей безвкусице дополнениями которых служат синие чулки и плисовые фуражки. Женщины – полные, бледные; тесные, расшитые золотом корсажи не дают им пошевельнуться... Сгрудившись вокруг столов, все это племя визжит, совещается, считает по пальцам, играет по маленькой... В редких случаях, после длительного обсуждения, старый патриарх с бородой, как у Саваофа, отделяется от своих и решается поставить семейный дуро... И теперь уже до конца партии не потухнуть блеску в иудейских глазах, впившихся в стол, этих страшных черных глазах как бы из магнита, от взгляда которых золотые монеты сами начинают кружиться по зеленому сукну и в конце концов притягиваются, точно кто-то легонько тянул их за нитку...

И потом эти ссоры, драки, ругательства, какие только существуют на свете, неистовые крики на всех языках, поножовщина, внезапное исчезновение денег, появление полиции!

И вот как-то вечером на одну из таких вакханалий явился великий Тартарен, дабы развлечься, забыться и обрести душевный покой.

Наш герой пробирался один в толпе, думая о мавританке, как вдруг за одним из игорных столов, заглушая звон золота, раздались возбужденные голоса:

– А я вам говорю, милсдарь, что у меня недостает двадцати франков!..

– Милсдарь!..

– Я вас слушаю, милсдарь!..

– Да знаете ли, милсдарь, с кем вы разговариваете?

– Сделайте одолжение, милсдарь, назовитесь!

– Я – князь Григорий Черногорский, милсдарь!..

Услышав это имя, Тартарен пришел в волнение и, счастливый и гордый тем, что наконец отыскался очаровательный черногорский князь, с которым он свел знакомство на пакетботе, пробился вперед.

К несчастью, княжеский титул, ослепивший простодушного тарасконца, не произвел ни малейшего впечатления на офицера стрелкового полка, повздорившего с князем.

– Я счастлив!.. – насмешливо проговорил офицер и обратился к зрителям: – Григорий Черногорский... Кому это хоть что-нибудь говорит?.. Никому!

Возмущенный Тартарен сделал шаг вперед.

– Позвольте... Я знаю *кнэзя!* – твердо вымолвил он с сильным тарасконским акцентом.

Офицер смерил его взглядом и пожал плечами:

– Ах, вот как? Прекрасно!.. В таком случае поделите между собой пропавшие двадцать франков, и кончен разговор.

С этими словами он повернулся и исчез в толпе.

Пылкий Тартарен хотел было броситься за ним, но князь удержал его:

– Оставьте... Я сам с ним разделаюсь.

Подхватив Тартарена под руку, он поспешил увести его.

Очутившись на площади, князь Григорий Черногорский снял шляпу, протянул нашему герою руку и, силясь припомнить его фамилию, начал с запинкой:

– Господин Барбарен...

– Тартарен! – робко поправил тот.

– Тартарен, Барбарен – не все ли равно? Мы теперь друзья до гроба!

И доблестный черногорец с остервенением потряс ему руку... Можете себе представить, как был горд тарасконец!

– *Кнэзь!.. Кнэзь!..* – повторял он в восторге.

Через четверть часа оба уже сидели «Под платанами» – в уютном ночном заведеньице, терраса которого спускалась прямо к морю, и тут, спрыснув отменный «салат по-русски» превосходным критским вином, они сдружились окончательно.

Трудно себе представить более обаятельного человека, чем этот черногорский князь. Тонкий, стройный, курчавый, завитой, тщательно выбритый, украшенный какими-то необыкновенными орденами, с бегающими глазками и вкрадчивыми движениями, он говорил с чуть заметным итальянским акцентом и был отчасти похож на безусого Мазарини; вдобавок он кстати и некстати сыпал цитатами из Тацита, Горация и Юлия Цезаря.

По его словам, он принадлежал к древней династии, но еще в десятилетнем возрасте пострадал за свои либеральные убеждения: родные братья добились его изгнания, и вот с тех пор он, философ, движимый любознательностью, а также для развлечения, странствует по свету... И – потрясающее совпадение: князь прожил три года в Тарасконе! Когда же Тартарен выразил удивление по поводу того, что ни разу не встречался с ним ни в Клубе, ни на эспланаде, его высочество ответил уклончиво: «Я почти не выходил...» Тарасконец же из деликатности воздержался от дальнейших расспросов. В жизни высоких особ столько таинственного!

Как бы то ни было, князь Григорий оказался приятнейшим человеком. Потягивая розовое критское вино, он терпеливо слушал рассказ Тартарена о мавританке, а так как он знал всех здешних дам наперечет, то даже вызвался в самом скором времени разыскать ее.

Пили много и долго. Пили за алжирских дам, за свободную Черногорию...

А внизу, у самой террасы, плескалось море, и волны во мраке ночи бились о берег так, словно кто-то встряхивал мокрые простыни. Воздух был тепел, небо усеяно звездами.

В ветвях платанов пел соловей...

По счету уплатил Тартарен.

X

Назови мне имя твоего отца, и я скажу тебе название этого цветка

Ох, и мастера же эти черногорские князья поддевать на удочку!

Проведя с тарасконцем вечерок «Под платанами», наутро, спозаранку, князь Григорий был уже у него в номере:

– Скорей, скорей, одевайтесь! Мавританка ваша отыскалась... Ее зовут Байя... Двадцать лет, прекрасна, как ангел, и уже вдова...

– Вдова? Это мне повезло! – радостно воскликнул славный Тартарен, опасавшийся восточных мужей.

– Да, но она находится под неусыпным надзором брата...

– А, черт!..

– Свирепого мавра, который торгует трубками на Орлеанском базаре...

Молчание.

– Ну, ничего! – продолжал князь. – Вы не робкого десятка, вас такая безделица не остановит. А затем можно будет купить у этого корсара несколько трубок, и, я думаю, он сдастся... Ну, одевайтесь, одевайтесь... сердцеед вы этакий!

Бледный, взволнованный, пылая страстью, тарасконец спрыгнул с кровати и, поспешно застегивая просторные фланелевые кальсоны, спросил:

– Что же мне делать?

– Напишите вашей даме, только и всего, и попросите назначить свидание.

– А разве она знает французский язык? – с разочарованным видом спросил простодушный Тартарен, мечтавший о Востоке без всякой примеси.

– Ни единого слова не знает, – не моргнув глазом, ответил князь. – Вы мне будете диктовать, а я буду переводить.

– Ах, князь, как вы добры!

И тарасконец молча зашагал большими шагами по комнате – он собирался с мыслями.

Вы, конечно, понимаете, что алжирской мавританке так не напишешь, как какой-нибудь бокерской гризетке. На великое счастье нашего героя, в памяти его было живо все, что он прочел на своем веку, и это дало ему возможность, мешая напыщенную речь индейцев Густава Эмара с «Путешествием на Восток» Ламартина и отдаленными реминисценциями из «Песни песней», сочинить самое наивосточное письмо, какое только можно себе представить.

Начиналось оно:

«Как страус в песчаной пустыне...»

А кончалось:

«Назови мне имя твоего отца, и я скажу тебе название этого цветка...»

Вместе с письмом настроенный на возвышенный лад Тартарен намеревался по восточному обычаю послать букет цветов «со значением», но князь Григорий решил, что лучше купить у брата несколько трубок: так-де суровый нрав его, несомненно, смягчится, а даме это тоже не может не доставить удовольствия, так как она завзятая курильщица.

– Идемте скорей покупать трубки! – сразу загоревшись, воскликнул Тартарен.

– Нет, нет!.. Я пойду один. Я сумею купить подешевле.

– Как? Вы хотите сами?.. О князь, князь!..

Тут доблестный муж, крайне смущенный, протянул кошелек услужливому черногорцу и попросил его ничего не жалеть, лишь бы дама осталась довольна.

К сожалению, хорошо задуманное предприятие вопреки ожиданиям не увенчалось скорым успехом. Как будто бы растроганная до глубины души красноречием Тартарена и уже заранее на все почти согласная мавританка и рада была бы принять его у себя, но брат оказался человеком щепетильным, и, чтобы усыпить его совесть, пришлось закупать у него трубки десятками, сотнями, целыми ящиками...

«На кой черт Байе такая пропасть трубок?» – изредка спрашивал себя бедняга Тартарен, но по-прежнему не скупился.

В конце концов, накупив горы трубок и излив море восточной поэзии, он добился свидания.

Я не стану рассказывать вам о том, как билось у тарасконца сердце во время приготовлений к свиданию, с какой лихорадочной тщательностью он подстригал, помадил и опрыскивал духами свою жесткую бороду, бороду охотника за фуражками, и с какой предусмотрительностью рассовал он на всякий случай по карманам два-три револьвера и кастет с железными шипами.

Князь с его неизменной услужливостью явился на первое свидание в качестве переводчика. Дама жила в верхней части города. У дверей ее дома дымил папиросой юный мавр лет тринадцати-четырнадцати. Это и был знаменитый Али, пресловутый *брат.* Увидав гостей, он два раза постучал в дверь и деликатно удалился.

Дверь отворилась. На пороге появилась негритянка; она молча провела гостей узким внутренним двором в прохладную комнатку, где их ожидала дама, полулежавшая на низком диване... На первый взгляд она показалась тарасконцу меньше ростом и полнее мавританки в омнибусе... Да уж это она ли? Сомнение молнией прорезало мозг Тартарена, но тотчас погасло.

Все было обворожительно у этой женщины: и голые ножки, и пухлые пальчики, унизанные перстнями, и розовые щеки, и стройный стан, а под корсажем из золотой парчи и под разводами пестрого платья проступали округлые, соблазнительные очертания тела, цветущего, но уже начинающего полнеть... Во рту у нее дымился янтарный мундштук и окутывал ее облаком белого дыма.

Войдя, тарасконец прижал руку к сердцу и, вращая выпученными, полными страсти глазами, отвесил ей самый что ни на есть мавританский поклон. Байя с минуту молча смотрела на него, потом вдруг, выронив янтарный мундштук, упала навзничь и закрыла лицо руками, и теперь видна была только ее белоснежная шея, сотрясавшаяся, точно мешочек с жемчугом, от дикого хохота.

XI
Сиди Тарт'ри бен Тарт'ри

Зайдите как-нибудь в сумерки в одну из алжирских кофеен Верхнего города, – вы еще и теперь можете там услышать, как мавры толкуют между собой, подмигивая и посмеиваясь, о некоем Сиди Тарт'ри бен Тарт'ри, любезном и богатом европейце, который несколько лет назад проживал в верхнем квартале с одной дамочкой, местной жительницей, по имени Байя.

Нетрудно догадаться, что этот самый Сиди Тарт'ри, оставивший по себе столь веселую память во всей Касбахской округе, есть не кто иной, как наш Тартарен...

Ничего не поделаешь! В жизни святых и в жизни героев бывают часы ослепления, смятения, слабости. Знаменитый тарасконец не составляет исключения – вот почему целых два месяца, позабыв о львах и о славе, он упивался восточной любовью и, подобно Ганнибалу в Капуе, утопал в неге белого Алжира.

Доблестный муж нанял в самом сердце арабского города хорошенький домик в местном вкусе, с внутренним двором, банановыми деревьями, прохладными галереями и фонтанами. Там он и жил, вдали от городского шума, вместе со своей мавританкой, сам с головы до ног превратившись в мавра, посасывая с утра до вечера кальян и объедаясь вареньем с мускусом.

Разлегшись на диване прямо против Тартарена, Байя под гитару мурлыкала нечто монотонное или же, чтобы развлечь своего повелителя, исполняла танец живота, держа в руке зеркальце, любуясь своими белыми зубками, кривляясь и ломаясь.

Так как дама не знала ни слова по-французски, а Тартарен – ни слова по-арабски, то разговор у них часто иссякал, – словоохотливому тарасконцу это было в наказание за болтливость, которою он грешил в аптеке у Безюке и в оружейном магазине у Костекальда.

Но даже и в этом наказании таилась особая прелесть: то было некое сладостное оцепенение, выражавшееся в том, что Тартарен за целый день не говорил ни слова и только слушал бульканье кальяна, треньканье гитары да тихий плеск фонтана на выложенном мозаикой дворике.

Кальян, баня и любовь заполняли всю его жизнь. Тартарен и его возлюбленная выходили из дома редко. Кое-когда Сиди Тарт'ри садился на доброго мула, его дама вспрыгивала на круп, и они отправлялись есть гранаты в маленький садик, который он купил неподалеку... Но хоть бы раз он спустился в европейскую часть города! Кутящие зуавы, алькасары[2] , где полно офицеров, вечный лязг сабель под аркадами – этот Алжир, представлявшийся ему столь же безобразным, как любая кордегардия на Западе, он терпеть не мог.

В общем, тарасконец был счастлив. Особенно Тартарен – Санчо, большой любитель турецких сладостей, – тот был в полном восторге от своей новой жизни... У Тартарена – Дон Кихота при мысли о Тарасконе и обещанных львиных шкурах нет-нет да и просыпалась совесть... Но – ненадолго: один взгляд Байи, одна ложка чертовски вкусного душистого варенья, дурманящего, как напиток Цирцеи, – и грустные мысли рассеивались.

По вечерам приходил князь Григорий помечтать вслух о свободной Черногории... Отличаясь неутомимой услужливостью, этот любезный господин исполнял у них обязанности переводчика и даже, в случае нужды, домоправителя, совершенно бескорыстно, из любви к искусству... Кроме него, Тартарен принимал у себя только *тэрок.* Эти корсары со свирепым выражением лица, которые еще так недавно, сидя в своих темных лавчонках, внушали ему необоримый страх, при ближайшем знакомстве оказались добродушными, безобидными купцами, золотошвеями, кондитерами, кальянщиками; все это были люди благовоспитанные, услужливые, себе на уме, осмотрительные, мастаки по части игры в карты. Чуть не каждый вечер эти господа приходили к Сиди Тарт'ри, обыгрывали его, поедали его варенье, а ровно в десять воссылали благодарения пророку и скромно удалялись.

После ухода гостей Сиди Тарт'ри и его верная подруга проводили остаток вечера на террасе – широкой белой террасе, которая служила их дому кровлей и господствовала над городом. Вокруг множество других террас, таких же белых, озаренных тихим светом луны, уступами спускалось к морю. Ветер доносил звон гитар.

...Внезапно в вышине мягко вспыхивала ясная, как созвездие, полнозвучная мелодия: на минарете ближней мечети появлялся красавец муэдзин, и его белый силуэт отчетливо вырисовывался на темной синеве ночи; дивным голосом, разносившимся далеко кругом, он славословил аллаха.

Байя выпускала из рук гитару, и ее большие глаза, устремленные на муэдзина, казалось, жадно впивали слова молитвы. И пока длилось пение, она вся дрожала от восторга, словно восточная святая Тереса... Тартарен взволнованно смотрел на нее и думал о том, какая это, должно быть, могучая и прекрасная вера, если она способна вызывать такой молитвенный жар.

Тараскон, закрой от стыда свои очи! Твой Тартарен помышляет о вероотступничестве.

XII
Нам пишут из Тараскона

В один прекрасный день Сиди Тарт'ри под безоблачным небом, овеваемый теплым ветерком, верхом на муле возвращался на сей раз без подруги из своего садика... Раскорячив ноги, потому что мешали сумки, набитые лимонами и арбузами, сложив руки на животе и покачиваясь всем корпусом в лад *трюх-трюху* своего мула, убаюканный звяканьем огромных стремян, сомлевший от неги и зноя, доблестный муж ехал среди чудесной природы.

Внезапно, при въезде в город, он был пробужден громовым голосом, который его окликал:

– Такое-сякое чудо морское!.. Да никак это господин Тартарен?

Услышав свою фамилию, услышав веселые звуки южного говора, тарасконец поднял голову и увидел совсем рядом добродушное загорелое лицо Барбасу, капитана «Зуава», – капитан пил абсент и курил трубку на пороге маленькой кофейной.

– А, Барбасу, доброго здоровья! – остановив мула, воскликнул Тартарен.

Вместо ответа Барбасу вытаращил на него глаза – и давай хохотать, так хохотать, что Сиди Тарт'ри от великого смущения съехал с седла на арбузы.

– Ах, дорогой господин Тартарен, какой на вас тюрбан!.. Так, значит, вы правда заделались *тэрком?..* А как плутовка Байя? Все поет «Красавицу Марко»?

– «Красавицу Марко»! – с возмущением повторил Тартарен. – Да будет вам известно, капитан, что особа, о которой вы говорите, – честная мавританская девушка, и по-французски она не знает ни слова.

– Байя? По-французски ни слова?.. Да вы что, с луны свалились?

Тут славный капитан захохотал еще громче.

Заметив, однако, что лицо у бедного Сиди Тарт'ри вытянулось, он спохватился:

– Впрочем, может быть, это другая... Я, наверно, спутал... Но только видите ли, господин Тартарен, я бы вам все-таки посоветовал держаться подальше от алжирских мавританок и от черногорских князей!..

Тартарен, изобразив на своем лице свирепость, вытянулся на стременах.

– *Кнэзь* – мой друг, капитан!

– Хорошо, хорошо, только не сердитесь!.. Не хотите ли абсенту? Нет? Что от вас передать землякам? Ничего не надо? Ну, ну! Счастливо вам попутешествовать!.. Да, кстати, дружище: у меня добрый французский табак, отсыпьте себе на несколько трубок... Да берите, берите! От него вам вреда не будет... Это окаянный восточный табак заморочил вам голову.

Тут капитан принялся за абсент, а Тартарен в глубоком раздумье затрусил домой... Хотя он по своему душевному благородству и не поверил капитану Барбасу, однако эти наветы

огорчили его, а кроме того, южный выговор капитана и его провансальские ругательства вызвали у Тартарена легкие угрызения совести.

Байю он не застал. Она была в бане... Негритянка показалась ему безобразной, дом – скучным... Не зная, куда деваться от тоски, он сел у фонтана и принялся набивать трубку табаком Барбасу. Табак был завернут в обрывок «Семафора». Когда он его развернул, ему бросилось в глаза название родного города:

Нам пишут из Тараскона

Весь город в тревоге. Истребитель львов Тартарен, выехавший охотиться на крупных африканских хищников из семейства кошачьих, в течение нескольких месяцев не подает о себе вестей... Что же случилось с нашим доблестным соотечественником?.. Кто знал эту горячую голову, этого смельчака, этого неутомимого искателя приключений, тот не может без волнения задавать себе этот вопрос... Поглотил ли его, как и многих других, песок пустыни? Или же его растерзало своими смертоносными клыками одно из тех атласских чудовищ, шкуры которых он обещал принести в дар муниципалитету?.. Мучительная неизвестность! Однако негры-купцы, приехавшие на Бокерскую ярмарку, уверяют, что в пустыне им повстречался европеец, приметы которого сходятся с приметами Тартарена, и что европеец этот направлялся в Тимбукту... Да хранит господь нашего Тартарена!

Прочитав эту заметку, тарасконец покраснел, побледнел, задрожал. Его мысленному взору предстал весь Тараскон: Клуб, охотники за фуражками, зеленое кресло у Костекальда и надо всем этим – парящие, будто распластавший крылья орел, громадные усы бравого командира Бравида.

И тут Тартарену из Тараскона от одного сознания, что он, малодушный, целыми днями сидит, поджав под себя ноги, на циновке, в то время как у него на родине все убеждены, что он изничтожил львов, стало стыдно, и он заплакал.

Вдруг наш герой вскочил с криком: «На львов! На львов!» – бросился в пыльный чулан, где покоились походная палатка, аптечка, консервы, ящик с оружием, и вытащил их на двор.

Тартарен – Санчо приказал долго жить, остался лишь Тартарен – Дон Кихот.

Произведя осмотр своего имущества, вооружившись, снарядившись, обувшись в высокие сапоги, написав несколько слов князю и поручив его заботам Байю, вложив в конверт несколько смоченных слезами голубых кредиток, бесстрашный тарасконец, не теряя ни минуты, сел в дилижанс и укатил по Блидахской дороге, а негритянка, оставшись одна во всем доме, так и обмерла, когда увидела, что кальян, тюрбан, туфли – весь этот мусульманский хлам Сиди Тарт'ри валяется как попало под трехлистными пальметтами галереи...

Эпизод третий

У львов

I

Сосланный дилижанс

Это был старый допотопный дилижанс, обитый по старинной моде толстым синим, совершенно выцветшим сукном с громадными помпонами из грубой шерсти, которые за несколько часов пути в конце концов натирали вам спину до синяков. У Тартарена из Тараскона было место сзади, в углу; он расположился поудобнее и в ожидании той минуты, когда на него пахнёт мускусом от крупных африканских хищников из семейства кошачьих, по необходимости удовольствовался приятным запахом старого дилижанса, причудливо сочетающим в себе множество запахов: мужских, конских, женских, запахи кожи, провизии и прелой соломы.

В заднем отделении дилижанса собралось довольно разношерстное общество: монах-траппист, евреи-купцы, две кокотки, догонявшие свою воинскую часть – 3-й гусарский полк,

фотограф из Орлеанвиля... Но, несмотря на всю прелесть и разнообразие этого общества, Тартарен был не расположен беседовать, – с лямкой на плече, с карабинами между колен, он по-прежнему предавался размышлениям... Его внезапный отъезд, черные глаза Байи, страшная охота, на которую он отправлялся, – от всего этого голова у него шла кругом, а тут еще европейский дилижанс с его добродушным, патриархальным обличьем, неожиданно оказавшийся в Африке: он смутно напоминал Тартарену Тараскон его юности, поездки за город, завтраки на берегу Роны, вызывал вереницу воспоминаний...

Постепенно стемнело. Кондуктор зажег фонари... Ветхий дилижанс, скрипя, подпрыгивал на старых рессорах, лошади бежали рысью, бубенчики звенели... Время от времени наверху, под брезентом империала, слышался ужасающий скрежет железа... Это скрежетало военное снаряжение.

Тартарен из Тараскона в полусне с минуту еще смотрел, как смешно подскакивают при толчках пассажиры, смотрел на эту пляску странных теней, потом глаза у него слиплись, мысль затуманилась, и дальше он лишь смутно различал визг колес да оханье дилижанса...

Вдруг чей-то старческий голос, хриплый, сиплый, надтреснутый, назвал тарасконца по имени:

– Господин Тартарен! Господин Тартарен!

– Кто это?

– Это я, господин Тартарен. Вы меня не узнаете?.. Я – старый дилижанс, курсировавший двадцать лет тому назад между Тарасконом и Нимом... Я часто вас возил, вас и ваших друзей, когда вы ездили охотиться за фуражками в Жонкьер или в Бельгард... Сперва я вас и не узнал: шапочка на вас, как у *тэрка,* и потом вы пополнели, но как только раздался ваш храп, – ах, разэтакий такой! – тут уж я сразу догадался!

– Ладно! Ладно! – слегка задетый, пробормотал Тартарен, но, сейчас же смягчившись, спросил: – А как ты сюда попал, старина?

– Ах, милый господин Тартарен, я попал сюда не по своей воле, можете мне поверить!.. Как только Бокерская железная дорога была закончена, меня признали ни на что больше не годным и отправили в Африку... И не я один подвергся этой участи! Сосланы почти все французские дилижансы. Нашли, что мы слишком реакционны, и вот мы теперь все здесь, отбываем каторгу... у вас во Франции это называется «алжирские железные дороги».

Тут старый дилижанс тяжело вздохнул, а затем продолжал:

– Ах, господин Тартарен, как я тоскую о моем милом Тарасконе! Хорошее то было время, – я был тогда молод! Посмотрели бы вы на меня утром, перед самым отъездом: вымыт я чисто-начисто, до блеска, колеса смазаны и сверкают, как новенькие, фонари – точно два солнца, брезент просмолен на совесть! А как это здорово, когда кучер щелкнет, бывало, несколько раз бичом на мотив: «Эй, Тараск, эй, Тараск, попадешь в тартарары!» – а кондуктор, с рожком на перевязи, в форменной фуражке набекрень, забросит одним махом свою всегда злую собачонку на брезент империала, крикнет: «Пошел! Пошел!» – и вскочит на козлы! Тут моя четверка, звеня бубенцами, под лай собак и гуденье рожка трогается, окна распахиваются, и весь Тараскон с гордостью смотрит, как мчится по большой дороге дилижанс.

Какая это прекрасная, широкая дорога, господин Тартарен, и в каком порядке она содержится! Километровые столбы, кучки щебня на равном расстоянии одна от другой, справа и слева прелестные оливковые рощи, виноградники... И через каждые десять шагов – постоялый двор, через каждые пять минут – остановка... А какие почтенные люди были мои пассажиры! Мэры и священники, ездившие в Ним, кто – к префекту, кто – к епископу, шелкопрядильщики, чинно возвращавшиеся домой из Мазе, школьники, разъезжавшиеся на каникулы, крестьяне в вышитых рубашках, с утра хорошенько побрившиеся, а наверху, на

империале, вы все, господа охотники за фуражками, – вы всегда были такие веселые, и, возвращаясь домой вечером, уже при свете звезд, каждый из вас так мило пел свой романс!..

Теперь не то... Бог знает, кого я только ни вожу! Каких-то басурманов, от которых я набираюсь насекомых, каких-то негров, бедуинов, солдафонов, проходимцев, нахлынувших сюда из разных стран, колонистов в отрепьях, отравляющих меня своим вонючим табаком, – и все это говорит на таком языке, в котором сам господь бог ничего не поймет... А потом вы же видите, какой за мной здесь уход! Никогда не почистят, никогда не помоют. На меня жалеют даже масло, чтобы смазать колеса. Вместо прежних рослых, добрых, смирных моих коней – маленькие арабские лошадки, а в них точно бес сидит: лягаются, кусаются, подпрыгивают на бегу, словно козы, копытами ломают оглобли... Ай, ай!.. Вот оно!.. Начинается!.. А дороги! Здесь еще сносно, потому что начальство близко, а дальше и вовсе бездорожье. Пробирайся наугад, через горы и долы, сквозь заросли карликовых пальм и мастиковых деревьев... Определенных остановок нет. Где кондуктору вздумается, там и остановка: то у одной фермы, то у другой.

Иной раз из-за этого шалопая я даю крюку мили в две, оттого что ему заблагорассудилось навестить приятеля и выпить с ним абсенту или шипучки... А потом – гони, кучер, наверстывай! Солнце палит, пыль жжет. Ничего, гони! Зацепился, опрокинулся... Гони вовсю! Реки – вплавь, простужаешься, мокнешь, тонешь... Гони! Гони! Гони! А вечером меня, насквозь мокрого, ставят на ночевку во двор караван-сарая, – это в моем-то возрасте и с моим-то ревматизмом! – и я должен спать под открытым небом, на самом сквозняке. Ночью шакалы и гиены обнюхивают мой кузов, воры забираются ко мне погреться... Вот до чего я дожил, дорогой господин Тартарен, и такую жизнь мне суждено вести, пока в один прекрасный день, растрескавшись на солнце, прогнив от ночной сырости, я не почувствую, что больше не могу, и не свалюсь где-нибудь на повороте этой треклятой дороги, и арабы на останках моего дряхлого скелета не сварят себе кускус.

– Блидах! Блидах! – крикнул кондуктор, отворяя дверцу.

II

Входит маленький господин

Сквозь запотевшие стекла Тартарен из Тараскона с трудом разглядел красивое здание супрефектуры и перед ним площадь правильной формы, окруженную аркадами, обсаженную апельсинными деревьями, а посреди площади в розовом предутреннем тумане маршировали какие-то ненастоящие, словно бы оловянные солдатики. В кофейнях отворялись ставни. На углу – овощной рынок... Все это было очаровательно, но львами здесь и не пахло.

«На юг!.. Дальше на юг!» – прошептал добрый Тартарен, забиваясь в уголок.

В эту минуту дверца отворилась. Струя свежего воздуха ворвалась в дилижанс и вместе с запахом апельсинного цвета принесла на своих крыльях маленького господина в коричневом сюртуке, старенького, сухонького, морщинистого, степенного, с лицом в кулачок, в черном шелковом галстуке длиною в пять пальцев, с кожаным портфелем и с зонтиком – типичного деревенского нотариуса.

Обозрев бранные доспехи тарасконца, маленький господин, усевшийся как раз напротив него, видимо, очень удивился и с тягостной назойливостью принялся рассматривать Тартарена.

Лошадей перепрягли, дилижанс двинулся дальше... Маленький господин все смотрел на Тартарена... Наконец Тартарен не вытерпел.

– Вас это удивляет? – спросил он и, в свою очередь, уставился на маленького господина.

– Не удивляет, а мешает, – невозмутимо ответил тот.

И правда: походная палатка, револьвер, два ружья в чехлах, охотничий нож – все это, не считая дородности самого Тартарена из Тараскона, занимало довольно много места...

Ответ маленького господина возмутил его.

– А что же, мне на льва с вашим зонтиком прикажете идти? – вызывающе спросил великий человек.

Маленький господин посмотрел на свой зонтик, мягко улыбнулся и все так же хладнокровно спросил:

– Так вы, сударь...

– Тартарен из Тараскона, истребитель львов!

Произнеся эти слова, бесстрашный тарасконец тряхнул, словно гривой, кисточкой своей *шешьи.*

Весь дилижанс оторопел.

Монах-траппист перекрестился, девицы взвизгнули от страха, а фотограф из Орлеанвиля, мечтая о высокой чести сфотографировать истребителя львов, приблизился к нему.

Не смутился один лишь маленький господин.

– А вы уже много убили львов, господин Тартарен? – сохраняя полнейшее спокойствие, осведомился он.

Тарасконец за словом в карман не полез:

– Да, сударь, я убил много львов!.. Я хотел бы, чтобы у вас было столько же волос на голове.

При этих словах весь дилижанс расхохотался – на голом черепе у маленького господина торчало три рыжих волоска.

В разговор вмешался орлеанвильский фотограф:

– Опасная у вас профессия, господин Тартарен!.. Бывают ужасные мгновения... Вот, например, бедный Бомбонель...

– А, да, охотник на пантер!.. – довольно презрительно заметил Тартарен.

– А вы его знаете? – спросил маленький господин.

– Вот так так!.. Как же не знать?.. Раз двадцать вместе охотились.

Маленький господин улыбнулся.

– Вы, значит, и на пантер охотитесь, господин Тартарен?

– Так, иногда, от нечего делать... – сердито буркнул тарасконец и, гордо подняв голову, отчего сердца двух девиц сразу так и запылали, добавил: – Это вам не лев!

– В сущности, пантера – это большая кошка... – робко заметил орлеанвильский фотограф.

– Совершенно верно! – подтвердил Тартарен, – он был не прочь несколько принизить Бомбонеля, особенно в глазах дам.

Тут дилижанс остановился, кондуктор отворил дверцу и обратился к старичку.

– Вам выходить, сударь, – сказал он весьма почтительным тоном.

Маленький господин встал и вышел из дилижанса, но, прежде чем затворить за собой дверцу, сказал:

– Позвольте, господин Тартарен, дать вам один совет.

– Какой совет, сударь?

– А вот послушайте! Вы мне внушаете симпатию, и я хочу вас предупредить... Скорей возвращайтесь в Тараскон, господин Тартарен!.. Здесь вам делать нечего... В глубине страны осталось всего несколько пантер, ну да это же мелочь! Разве это для вас дичь?.. А со львами все кончено. В Алжире их больше нет... Мой друг Шассен недавно убил последнего.

Тут маленький господин поклонился, затворил за собой дверцу и, смеясь, удалился вместе со своим портфелем и зонтиком.

– Кондуктор! – изобразив на своем лице свирепость, заговорил Тартарен. – Кто этот старикашка?

– Как? Вы не знаете? Да ведь это господин Бомбонель!

III
Львиная обитель

Тартарен из Тараскона слез в Милианахе, а дилижанс продолжал свой путь на юг.

Двое суток терпеть жестокую тряску, две ночи подряд, не смыкая глаз, смотреть в окно, не покажется ли где-нибудь в поле или на обочине дороги громадная тень льва, – столь длительное бодрствование, несомненно, заслуживало нескольких часов отдыха. А затем, сказать по правде, после недоразумения с Бомбонелем честному тарасконцу, несмотря на его вооружение, свирепое выражение лица и красную феску, было неловко перед орлеанвильским фотографом и двумя девицами из 3-го гусарского.

Итак, он шел по широким милианахским улицам мимо красивых деревьев, мимо фонтанов, но, ища гостиницу поудобнее, бедняга все думал о том, что сказал ему Бомбонель... А если это правда? Если в Алжире нет больше львов?.. К чему тогда все эти скитания, к чему столько усилий?

Внезапно, повернув за угол, герой наш столкнулся нос к носу... угадайте с кем?.. С великолепным львом, – перед входом в кофейню царственно восседал на собственном заду лев, купая в солнечных лучах рыжую гриву.

– Что же мне морочили голову, будто их тут нет?.. – отскочив, воскликнул Тартарен.

Услышав этот возглас, лев опустил голову и, взяв в пасть деревянную миску, стоявшую перед ним на тротуаре, смиренно протянул ее в сторону оцепеневшего Тартарена... Проходивший мимо араб бросил в миску два су, – лев завилял хвостом... И тут Тартарен понял все. Он увидел то, что вначале ему помешало увидеть волнение: толпу, обступившую жалкого слепого ручного льва, и двух ражих негров с дубинами, водивших его по улицам, как савояр носит сурка.

Кровь бросилась тарасконцу в голову.

– Негодяи! – громовым голосом крикнул он. – Так унижать благородное животное!..

Он подскочил ко льву и вырвал из его царственных челюстей презренную миску... Оба негра, решив, что это вор, взмахнули дубинами и бросились на тарасконца... Поднялась отчаянная кутерьма... Негры колотили, женщины визжали, дети хохотали. Старый еврей-сапожник кричал из своей мастерской: «К мировому шудье! К мировому шудье!» Даже лев, погруженный в вечную тьму, издал нечто вроде рычания, и несчастный Тартарен после неравной борьбы грохнулся прямо на монеты и мусор.

В это время какой-то человек раздвинул толпу, единым словом заставил попятиться негров, одним мановением руки заставил шарахнуться женщин и детей, поднял Тартарена, почистил, отряхнул и усадил его, тяжело дышавшего, на тумбу.

– Кого я вижу? *Кнэзь,* это вы?.. – потирая бока, воскликнул добрый Тартарен.

– Да, да, мой храбрый друг, это я... Получив ваше письмо, я оставил Байю на попечение брата, сломя голову промчался пятьдесят миль в почтовой карете и подоспел как раз вовремя, чтобы вырвать вас из лап этих скотов, этих дикарей... Но, боже правый, как это вам удалось попасть в такую передрягу?

– У меня не было другого выхода, *кнэзь*... Я не могу видеть несчастного льва с миской в зубах, униженного, побежденного, посрамленного, служащего посмешищем всей этой мусульманской черни...

– Вы ошибаетесь, мой благородный друг. Напротив, они чтут этого льва, преклоняются перед ним. Это священное животное принадлежит большому львиному монастырю, основанному триста лет тому назад Мухаммедом бен Аудом: монастырь отчасти напоминает огромную строгую обитель траппистов, но только рыкающую, пахнущую хищниками: там особого рода монахи вскармливают и приручают сотни львов, а потом братья-сборщики обходят с ними всю Северную Африку... Пожертвования, которые собирают братья, идут на содержание монастыря и его мечети, и вот отчего эти два негра сейчас так вспылили: они убеждены, что за каждый грош, за каждый украденный или потерянный грош из собранной милостыни лев тут же их растерзает.

Слушая этот неправдоподобный и тем не менее правдивый рассказ, Тартарен из Тараскона даже посапывал от удовольствия.

– Во всем этом для меня существенно вот что, – заключил он: – Что бы ни говорил уважаемый Бомбонель, а львы в Алжире еще есть!..

– Еще как есть! – с восторгом подхватил князь. – Завтра же мы с вами обследуем долину Шелиффа, и вот там вы увидите!..

– Что я слышу, *кнэзь?..* Вы тоже собираетесь на охоту?

– Черт возьми! Неужели вы думаете, что я позволю вам одному бродить по африканским дебрям, среди этих диких племен, язык и обычаи которых вам неведомы?.. Нет, нет, доблестный Тартарен, я вас не оставлю!.. Я буду вашим неизменным спутником.

– О, *кнэзь, кнэзь!..*

Весь сияя, Тартарен прижал к груди доблестного князя Григория и с гордостью подумал о том, что у него, как у Жюля Жерара, Бомбонеля и других знаменитых истребителей львов, есть свой князь-чужестранец, который будет сопровождать его на охоту.

IV

Караван в пути

На другое утро, чуть свет, бесстрашный Тартарен и не менее бесстрашный князь Григорий в сопровождении не то пяти, не то шести носильщиков-негров вышли из Милианаха и начали спускаться в долину Шелиффа по очаровательной крутой тропинке, на которую падала густая тень от кустов жасмина, туи, рожкового дерева и дикой оливы, между изгородями садиков, принадлежавших туземцам, под журчанье множества родников, весело сбегавших с уступа на уступ... Настоящий ливанский пейзаж!

Князь Григорий был так же обвешан оружием, как и великий Тартарен, но его преимущество составляло необыкновенное, великолепное кепи с золотым галуном и вышитыми серебром дубовыми листьями, что придавало его высочеству некоторое сходство с мексиканским генералом или же с начальником станции в каком-нибудь придунайском государстве.

Это залихватское кепи очень занимало тарасконца; когда же он, преодолевая неловкость, обратился к князю за разъяснениями, тот с важным видом ответил: «Мой головной убор незаменим во время путешествий по Африке», – и, смахивая руками пыль с козырька, начал рассказывать своему простодушному спутнику о том, какую важную роль играет кепи в наших взаимоотношениях с арабами, о том, что ни одна принадлежность военной формы не внушает им такого ужаса, как именно кепи, и что гражданские власти сочли за благо надеть кепи на всех своих служащих, начиная с дорожного мастера и кончая податным инспектором. Короче, по словам князя выходило так, что для того, чтобы управлять Африкой, не нужна ни светлая голова, ни голова вообще. Нужно кепи, красивое кепи с галуном, которое блестело бы на шесте, как шляпа Гесслера.

Так, беседуя и философствуя, путники следовали дальше. Босоногие носильщики, крича, как обезьяны, прыгали с уступа на уступ. Громыхали оружейные ящики. Сверкали ружья. Встречные туземцы низко склонялись перед волшебным кепи... Начальник управления по делам арабов, вышедший со своей супругой подышать свежим воздухом на крепостной вал Милианаха, заслышав необычайный шум, увидев сверкание ружейных стволов среди ветвей и вообразив, что это набег, приказал опустить подъемный мост, бить сбор всех частей и немедленно объявил город на осадном положении.

Славное начало для похода на львов!

На беду, к концу дня дела пошли хуже. Один из негров, несших пожитки, наелся липкого пластыря из походной аптечки, и у него начались дикие боли в животе. Другой, напившись камфарного спирту, мертвецки пьяный, растянулся на обочине дороги. Третьего, того, который нес дорожный альбом, прельстила позолота застежек, и, вообразив, что это сокровища Мекки, он стремглав пустился бежать с альбомом в Заккар... Надо было обсудить положение... Караван сделал привал и стал держать совет в прозрачной тени старой смоковницы.

– По-моему, – заговорил князь, пытаясь, но безуспешно, развести таблетку мясного бульона в усовершенствованной кастрюле с тройным дном, – по-моему, с этого дня мы должны отказаться от носильщиков-негров... Как раз недалеко отсюда арабский базар. Хорошо было бы там остановиться и купить несколько вислоухих...

– Нет, нет!.. Никаких вислоухих!.. – живо перебил его великий Тартарен, у которого при одном воспоминании о Черныше все лицо пошло красными пятнами, и с лицемерным видом прибавил: – Как же это маленькие ослики потащат всю нашу кладь?

Князь усмехнулся.

– Вы ошибаетесь, мой прославленный друг. На вид алжирский вислоухий тощ и слабосилен, но крестец у него крепкий... А иначе он бы не вынес всего того, что ему приходится выносить... Поговорите-ка с арабами... Вот как они объясняют систему нашего колониального управления: наверху, – говорят они, – сидит *мусью,* губернатор, и своей большущей дубиной бьет офицеров, офицеры в отместку бьют солдата, солдат бьет колониста, колонист бьет араба, араб бьет негра, негр бьет еврея, еврей, в свою очередь, бьет осла, а бедному маленькому ослику бить некого, вот он и вытягивает спину и переносит все. Ваши ящики он тоже отлично понесет, можете быть уверены.

– Все равно, – возразил Тартарен из Тараскона. – Я полагаю, что ослы испортят нам общий вид каравана... Я бы предпочел что-нибудь более восточное... Вот если бы, к примеру, нам обзавестись хотя бы одним верблюдом...

– Да сколько вашей душе угодно, – сказал его высочество, и караван двинулся к арабскому базару.

Базар находился в нескольких километрах отсюда, на берегу Шелиффа... Тысяч пять или шесть одетых в лохмотья арабов копошились на солнцепеке и вели шумный торг среди глиняных кувшинов с черными маслинами, горшков с медом, мешков с пряностями, среди высившихся грудами сигар, среди пылавших очагов, где жарились истекавшие жиром бараньи туши, среди боен, устроенных под открытым небом, боен, где голые негры, по колена в крови, с окровавленными руками, свежевали короткими ножами козлят, висевших на жердях.

Вон палатка, вся в пестрых заплатах, – в углу склонился над толстой книгой вооружившийся очками мавр-нотариус... Здесь – толпа народа, яростные крики: идет игра в рулетку; рулетка – на мерке для зерна, вокруг кабилы, которые чуть что – за ножи... Немного дальше топот, смех и веселье: смотрят, как еврей-купец вместе со своим мулом барахтается в Шелиффе... А сколько собак, ворон, скорпионов! А что мух, что мух!..

Зато верблюдов не оказалось. В конце концов все же нашли одного, от которого мзабиты давно уже мечтали отделаться. Это был самый настоящий верблюд – жилец пустыни, верблюд классический, облезлый, печальный, с длинной, как у бедуина, головой и с горбом, который от слишком долгого поста сделался дряблым и уныло свисал набок.

Тартарену верблюд так понравился, что он изъявил желание погрузить на него решительно все... Уж это мне помешательство на Востоке!..

Верблюд опустился на колени. На него навьючили вещи.

Князь устроился у него на шее. Тартарен для пущей важности взобрался на самый горб, между двумя ящиками, расположился со всеми удобствами, приосанился и, с высоты своего величия поклонившись всему сбежавшемуся сюда базару, подал знак к отправлению... Ах ты черт, если бы тарасконцы могли его сейчас видеть!..

Верблюд выпрямился и, выбрасывая вперед длинные узловатые ноги, припустился во весь свой мах...

О, ужас! Всего каких-нибудь несколько скачков – и вот уже Тартарен смертельно побледнел, а его героическая *шешья* принимает одно за другим те положения, какие приходилось ей принимать на «Зуаве». Чертов верблюд качался, как фрегат на волнах.

– *Кнэзь, кнэзь!* – лепетал мертвенно-бледный Тартарен, цепляясь за сухую паклю, росшую на верблюжьем горбу. – *Кнэзь,* давайте слезем!.. Я боюсь... боюсь посрамить Францию...

Куда там! Верблюд разогнался, и теперь уже никакая сила не могла бы остановить его. Четыре тысячи босоногих арабов бежали сзади, размахивали руками, хохотали как сумасшедшие и сверкали на солнце сотнями тысяч белых зубов...

Великий человек из Тараскона принужден был покориться своей участи. Уныло мотался он на горбе. Какие только положения не принимала его *шешья,* и... и Франция была посрамлена.

V

Ночная засада в олеандровой роще

Несмотря на всю живописность этого верхового животного, наши истребители львов из уважения к *шешье* принуждены были от него отказаться. Словом, дальше они опять пошли пешком, и караван, делая небольшие переходы, без всяких приключений двигался к югу: тарасконец – впереди, черногорец – сзади, между ними – верблюд с оружейными ящиками.

Экспедиция продолжалась около месяца.

В течение этого месяца грозный Тартарен в поисках неуловимых львов странствовал от дуара к дуару по бескрайней долине Шелиффа в страшном и забавном французском Алжире, где ароматы древнего Востока сливаются с резким запахом абсента и казармы, во французском Алжире, являющем собой помесь Авраама с Зузу, сочетание чего-то волшебного и простодушно шутовского, как бы страницу из Ветхого завета в пересказе сержанта Раме или бригадира Питу... Любопытное зрелище для тех, кто умеет видеть... Дикий и уже испорченный народ, который мы цивилизуем, прививая ему наши пороки... Жестокая, безответственная власть фантастических башага, которые с важным видом сморкаются в широкие ленты ордена Почетного легиона и ни за что ни про что велят бить людей палками по пяткам. Неправый суд очкастых кадиев, этих тартюфов от Корана и от закона, которые, сидя под пальмами, думают только о Пятнадцатом августа и о повышениях и продают свои приговоры, как Исав – первородство, за чечевичную похлебку, или, вернее, за кускус в сахаре. Распутные, вечно пьяные каиды, бывшие денщики какого-нибудь там генерала Юсуфа, хлещут шампанское с маонскими прачками и наедаются до отвала жареной бараниной, в то время как перед их палатками туземцы мрут с голоду и вырывают у собак объедки с господского стола.

А вокруг, куда ни глянь, невозделанные поля, выжженная трава, голые кусты, заросли кактусов и мастиковых деревьев – вот она, житница Франции!.. Житница – только, увы, без жита, зато изобилующая шакалами и клопами. Заброшенные дуары, туземцы, в ужасе бегущие куда глаза глядят, пытающиеся спастись от голода и устилающие дороги своими телами. Кое-где попадаются французские селения: дома обветшали, поля не засеяны, ненасытная саранча пожирает все вплоть до занавесок на окнах, а колонисты все до одного в кофейной: пьют абсент и обсуждают проекты реформ и конституции.

Вот что увидел бы Тартарен, прояви он малейшую наблюдательность, но, весь отдавшись своей львиной страсти, тарасконец шел вперед, не глядя по сторонам, вперив неподвижный взор в воображаемых чудищ, которые все не появлялись.

Так как походная палатка упорно не желала раскрываться, а таблетки мясного бульона – растворяться в воде, караван вынужден был утром и вечером делать привалы в арабских селениях. Благодаря кепи князя Григория наших охотников всюду встречали с распростертыми объятиями. Они останавливались у ага, в их своеобразных дворцах – больших белых домах без окон, где кальян вполне уживается с комодом красного дерева, смирнские ковры – с новейшими лампами, кедровые ларцы, набитые турецкими цехинами, – с часами, украшенными фигурками в стиле Луи-Филиппа... Всюду в честь Тартарена устраивались пышные празднества – *диффа,* джигитовки... По случаю его прибытия целые *гумы,* сверкая на солнце бурнусами, палили из ружей... Затем, после пальбы, радушный ага подходил к Тартарену и предъявлял счет... Вот что такое арабское гостеприимство.

А львов все нет как нет! Их здесь не больше, чем на Новом мосту!..

И все же тарасконец духом не падал. Бесстрашно углубляясь все дальше и дальше на юг, он целыми днями прокладывал себе дорогу в чаще, шарил карабином в ветвях карликовых пальм, у каждого куста кричал: «Кш! Кш!» А вечером, перед сном, небольшая двух-трехчасовая засада... Напрасный труд! Лев не показывался.

Но вот как-то вечером, часов около шести, когда караван пробирался сквозь лиловую чащу мастиковых деревьев, где жирные, отяжелевшие от зноя перепела там и сям

подпрыгивали в траве, Тартарену из Тараскона почудилось – но только далекое-далекое, но только едва-едва слышное, но только едва-едва не заглушаемое ветром – чудесное рычание, которому он столько раз внимал в Тарасконе, расхаживая взад и вперед за балаганом Митен.

Сперва наш герой решил, что это ему показалось... Однако еще секунда – и по-прежнему отдаленное, но уже более явственное рычание послышалось снова, и на этот раз в ответ ему со всех сторон залаяли дуарские собаки, у верблюда задрожал от ужаса горб, загромыхали консервы и ящики с оружием.

Сомнений нет. Это лев... Скорей, скорей в засаду! Нельзя терять ни минуты.

Поблизости находился древний, увенчанный белым куполом *марабут* (гробница святого), над дверью которого, в нише, были выставлены огромные желтые туфли покойного, а по стенам развешена уйма самых разнообразных приношений: полы от бурнуса, золотые нитки, пряди рыжих волос... Тартарен из Тараскона оставил здесь князя с верблюдом, а сам пошел искать место для засады. Князь Григорий изъявил желание последовать за ним, но тарасконец воспротивился: ему хотелось встретиться со львом один на один. На всякий случай он попросил его высочество никуда отсюда не уходить и передал ему на сохранение свой бумажник, туго набитый ценными бумагами и банковыми билетами, – он боялся, как бы лев не разорвал его своими когтями. Затем наш герой пошел на разведку.

В ста шагах от марабута, на берегу полувысохшей речки, подернутая дымкою сумерек, трепетала на ветру олеандровая рощица. Здесь Тартарен и устроил засаду по всем правилам: опустился на одно колено, карабин взял на изготовку, а большой охотничий нож грозно воткнул прямо перед собой в прибрежный песок.

Настала ночь. Розовый воздух полиловел, затем стал темно-синим... Внизу, меж голышей, словно ручное зеркальце, блестела прозрачная лужица. Это был водопой хищников. На противоположном склоне чуть белела тропинка, которую их огромные лапы проложили среди мастиковых деревьев. Этот таинственный спуск к реке невольно бросал в дрожь. А тут еще незримая жизнь африканских ночей: шорох задетой ветки, бархатные лапы подкрадывающихся зверей, пронзительный вой шакалов, а в небе, на высоте ста – двухсот метров, огромные станицы журавлей, летящие с криком избиваемых младенцев, – не правда ли, есть от чего смутиться?

Тартарен и был смущен! И даже очень. У бедняги зуб на зуб не попадал! Нарезной ствол карабина выбивал о рукоять охотничьего ножа, воткнутого в землю, дробь кастаньет... Ничего не поделаешь! Иной раз трудно бывает взять себя в руки, да и потом, если бы герои никогда не испытывали страха, в чем же была бы тогда их заслуга?

Ну да, Тартарен испытывал страх, испытывал все время. Тем не менее он держался молодцом час, другой, но всякий героизм имеет свои пределы... Вдруг тарасконец слышит, что совсем близко, на высохшем речном дне под чьими-то ногами осыпаются камешки. Он в ужасе вскакивает, посылает наугад две пули в ночную тьму и без оглядки бежит к марабуту, а в песке остается торчать его нож – в память о самом сильном испуге, какой когда-либо овладевал душой истребителя чудищ.

– *Кнэзь,* ко мне!.. Лев!..

Молчание.

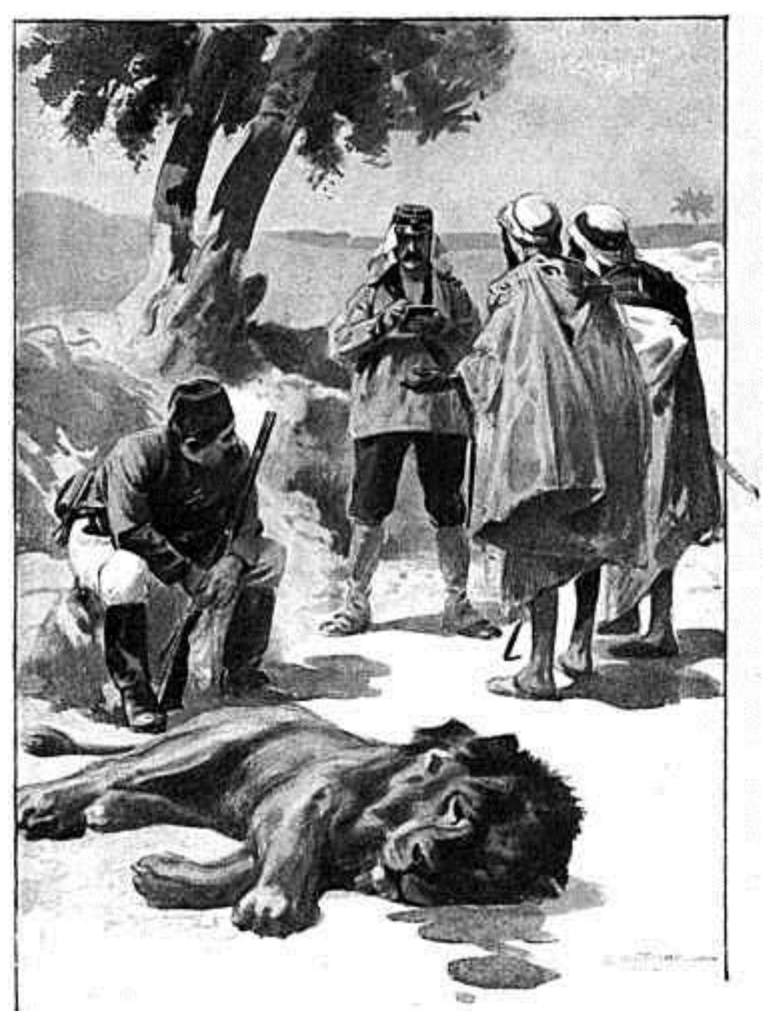
– *Кнэзь, кнэзь!* Вы тут?

Князя тут не было. На белую стену марабута, залитую лунным сиянием, один только добрый верблюд отбрасывал причудливую тень своего горба... Князь Григорий удрал с бумажником и банковыми билетами... Целый месяц его высочество дожидался такого случая...

VI
Наконец!..

По прошествии чреватой событиями и трагической ночи, когда наш герой пробудился чуть свет и окончательно удостоверился, что князь сбежал со всей его мошной, – сбежал и уже не вернется, а он остался один в маленькой белой гробнице, обманутый, обворованный, брошенный, один в этом диком Алжире, не считая верблюда, и в кармане у него завалялось всего-навсего несколько мелких монет, – только тут впервые тарасконец разочаровался. Разочаровался в Черногории, разочаровался в дружбе, разочаровался в славе, разочаровался даже во львах, и, как Христос в Гефсиманском саду, великий человек горько заплакал.

И так он, все еще в раздумье, сидел у входа в марабут, уронив голову на руки, зажав карабин между колен, а верблюд не спускал с него глаз, как вдруг кустарник зашевелился, и ошеломленный Тартарен в десяти шагах от себя увидел гигантского льва; лев приближался, высоко закинув голову и издавая страшный рев, и от этого рева задрожали стены марабута, сплошь увешанные всякой всячиной, и подпрыгнули даже туфли святого, покоившиеся в нише.

Один лишь тарасконец не дрогнул.

– Наконец! – воскликнул он, подскочив, и приставил приклад к плечу.

Бах! Бах! Фюить! Фюить!.. Готово... В голове у льва две разрывные пули... В одну минуту к огнедышащему небу Африки ужасающим фейерверком взметнулись кусочки мозга, капли дымящейся крови и клочья рыжей шерсти. Затем все рассеялось, и Тартарен увидел... двух рослых разъяренных негров, которые мчались на него с дубинами. Двух негров из Милианаха!

О, горе! То был ручной лев, жалкий слепец из Мухаммедовой обители, – вот кого сразили тарасконские пули.

На сей раз, клянусь Магометом, Тартарен отделался дешево. Негры-сборщики, эти исступленные фанатики, конечно, разорвали бы его в клочки, не пошли христианский бог ему на помощь ангела-хранителя в образе сельского стражника Орлеанвильской общины, с саблей под мышкой прибежавшего на место происшествия по глухой тропе.

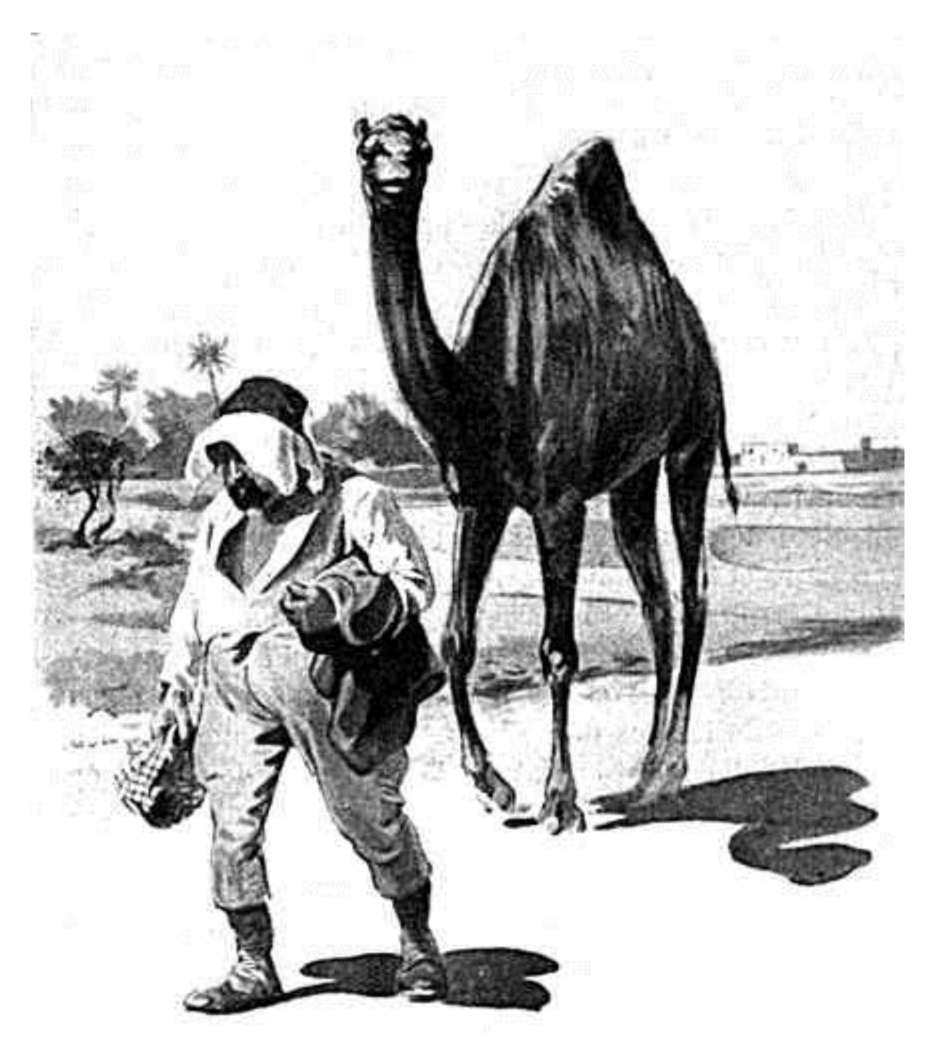
При виде муниципального кепи негры тотчас же присмирели. Величественный и невозмутимый, человек с бляхой составил протокол, велел взвалить на верблюда львиные останки и, предложив истцам и ответчику следовать за ним, направился в Орлеанвиль, а там это дело было передано в суд. Началась длинная, томительная процедура.

После Алжира диких племен Тартарену из Тараскона довелось познать другой Алжир, не менее забавный и не менее страшный – Алжир городской, Алжир судов и адвокатов. Он познакомился с подозрительными стряпчими, обделывающими грязные делишки в кофейнях, с судейской богемой, с делами в папках, пропахших абсентом, с белыми галстуками, залитыми дешевым шампанским; он познакомился с судебными исполнителями, поверенными, ходатаями по делам, со всей этой тощей и голодной саранчой, облепляющей гербовую бумагу, съедающей колониста со всеми потрохами, обдирающей его по листку, точно маисовый початок...

Прежде всего надлежало выяснить, на чьей территории был убит лев: на гражданской или на военной. В первом случае дело подлежало рассмотрению в гражданском суде; во втором случае Тартарен должен был предстать перед военным трибуналом, и при одном слове «трибунал» впечатлительный тарасконец уже рисовал себе, как его расстреливают у крепостной стены или как его гноят в подземелье...

Эти две территории недостаточно четко разграничены в Алжире – вот что самое ужасное... Наконец, после целого месяца беготни, хлопот, ожидания на солнцепеке во дворах арабских присутственных мест, было установлено, что хотя, с одной стороны, лев был убит на военной территории, но, с другой стороны, Тартарен, когда стрелял, находился на территории гражданской. Дело, следовательно, слушалось в гражданском суде, и наш герой был приговорен к возмещению убытков в размере двух тысяч пятисот франков, не считая судебных издержек.

Откуда взять такие деньги? Несколько пиастров, уцелевших от налета, совершенного князем, давным-давно ушли на оплату гербового сбора и на абсент для судейских.

Несчастный истребитель львов вынужден был продавать по частям, карабин за карабином, свои оружейные ящики. Он продал кинжалы, малайские криссы, кастеты... Бакалейный торговец купил у него консервы. Аптекарь – все, что осталось от липкого пластыря. Высокие сапоги, и те вслед за усовершенствованной походной палаткой перекочевали к старьевщику, который поставил их рядом с кохинхинскими диковинами... После того как вся сумма была выплачена, у Тартарена ничего больше не осталось, кроме львиной шкуры и верблюда. Шкуру он тщательно упаковал и отправил в Тараскон бравому командиру Бравида. (Что сталось с этой необыкновенной добычей, мы увидим дальше.) С помощью же верблюда он рассчитывал добраться до Алжира, но только не сев на него верхом, а продав его и купив на эти деньги место в дилижансе, что, конечно, является наилучшим способом путешествия на верблюдах. К несчастью, сбыть с рук верблюда не так-то просто – никто не давал за него ни лиара.

Тем не менее Тартарен решил добраться до Алжира во что бы то ни стало. Ему не терпелось увидеть вновь голубой корсаж Байи, свой домик, фонтаны и в ожидании денег из Франции отдохнуть под белыми пальметтами своей галереи. И наш герой не колебался: измученный, но не сломленный, без гроша в кармане, он решил, делая частые привалы, идти пешком.

Верблюд не покинул его в беде. Странное животное прониклось к своему хозяину непостижимой нежностью и видя, что тот уходит из Орлеанвиля, благоговейно двинулось следом за ним, приноравливаясь к его шагу и не отставая ни на пядь.

Первое время Тартарен был даже растроган: эта верность, эта прошедшая через все испытания преданность умилила его; к тому же верблюд был крайне неприхотлив и питался неизвестно чем. Однако по прошествии нескольких дней тарасконцу наскучил унылый спутник, неуклонно следовавший за ним по пятам и напоминавший ему все его злоключения; к ощущению скуки постепенно примешалось чувство досады: его уже раздражал печальный вид верблюда, горб, гусиный шаг. Одним словом, Тартарен его невзлюбил и думал теперь только о том, как бы от него избавиться, но животное проявляло упорство... Тартарен попробовал потерять верблюда – верблюд отыскал его; попробовал спастись бегством – верблюд бегал быстрее... Он кричал на него: «Пошел!» – бросал в него камни. Верблюд останавливался и грустно смотрел на него, а потом, выждав с минуту, снова трогался в путь и неукоснительно каждый раз догонял его. Тартарен вынужден был смириться.

Когда же, прошагав восемь нескончаемо долгих дней, тарасконец, запыленный, выбившийся из сил, завидел издали, как сверкнули в зелени белые террасы окраинных домов Алжира, когда он оказался уже в пригороде, на шумной Мустафской улице, среди зуавов, бискарийцев, маонцев, толпившихся вокруг него и глазевших, как он шествует со своим верблюдом, последнее терпение у него лопнуло. «Нет, нет! – подумал он. – Это невозможно. Я не могу войти в Алжир с верблюдом!» Воспользовавшись затором в уличном движении, он свернул в поле и залег в канаве... Мгновение спустя он увидел, что наверху, по шоссе, встревоженно вытянув шею, вскачь промчался верблюд.

Тогда только, облегченно вздохнув, герой наш вылез из своего укрытия и окольной тропинкой, огибавшей его садик, возвратился в город.

VII
Катастрофа за катастрофой

Подойдя к своему мавританскому домику, Тартарен остановился в полном изумлении. День склонялся к закату, улица была безлюдна. Низкую стрельчатую дверь негритянка забыла притворить, и из дома неслись смех, звон бокалов, хлопанье пробок от шампанского, а покрывал весь этот очаровательный содом женский голос, веселый и чистый; он пел:

Красавица Марко! Ты любишь

Потанцевать среди цветов?..

– Что за черт! – бледнея, прошептал Тартарен и бросился во двор.

Несчастный Тартарен! Какое зрелище его ожидало!.. Под арками галереи среди бутылок, печенья, разбросанных подушек, трубок, тамбуринов и гитар стояла Байя без голубой кофты, без корсажа, в рубашке из серебристого газа, в широких бледно-розовых шароварах, в заломленной набекрень фуражке морского офицера и пела «Красавицу Марко»... У ее ног, на циновке, пресыщенный любовью и вареньем, Барбасу, коварный капитан Барбасу, слушал пение и помирал со смеху.

Появление Тартарена, отощавшего, изможденного, запыленного, с горящими глазами, в дыбом стоящей *шешье,* мгновенно прекратило эту прелестную оргию в турецко-марсельском вкусе. Байя взвизгнула, как испуганная левретка, и шмыгнула в дом. Барбасу, однако, ничуть не смутился, – он только еще громче захохотал.

– Ну, ну, господин Тартарен, что вы на это скажете? Убедились теперь, что она говорит по-французски?

Тартарен из Тараскона в бешенстве ринулся на него:

– Капитан!

– *Нэ волнэйся, дрэжэчек!* – крикнула мавританка и полным очаровательного задора движением перевесилась через балюстраду.

От неожиданности бедняга тарасконец плюхнулся прямо на тамбурин. Его мавританка умела говорить даже по-марсельски!

– Я вас предупреждал – держитесь подальше от алжирок! – наставительно заметил капитан Барбасу. – Это вроде вашего черногорского князя.

Тартарен насторожился:

– Вы знаете, где князь?

– Да, он отсюда недалеко! Он поселился на пять лет в уютной Мустафской тюрьме. Этого жулика поймали с поличным... Впрочем, его упрятывают не в первый раз. Его высочество где-то уже отбыл три года тюрьмы... Да позвольте! По-моему, как раз в Тарасконе.

– В Тарасконе?.. – воскликнул Тартарен, которого внезапно осенило. – Так вот почему он знает только одну часть нашего города!..

– Ну разумеется!.. Вид на Тараскон из окон тюрьмы... Ах, дорогой господин Тартарен, в этой проклятой стране надо вечно быть начеку, иначе нарвешься на большие неприятности... Взять хотя бы вашу историю с муэдзином...

– Какую историю? С каким муэдзином?

– Вот тебе раз!.. С тем муэдзином, что напротив, с тем, что ухаживал за Байей... На днях об этом было в «Акбаре», и весь Алжир до сих пор покатывается со смеху... В самом деле, забавно: муэдзин, распевая молитвы на своем минарете, перед самым вашим носом объяснялся девице в любви и, призывая имя аллаха, назначал ей свидания...

– Стало быть, в этой стране все сплошь прохвосты? – взревел несчастный тарасконец.

Барбасу ответил на это философическим жестом.

– Понимаете, дорогой мой, новые страны... Ну, да не в этом дело! Послушайтесь вы моего совета: возвращайтесь как можно скорее в Тараскон.

– «Возвращайтесь»... Легко сказать... А деньги?.. Разве вы не знаете, как меня обчистили в пустыне?

– Эка важность! – со смехом сказал капитан. – «Зуав» отбывает завтра, – если хотите, я вас доставлю на родину... Согласны, дружище?.. Ну и отлично. Теперь вам только вот что надо: тут еще осталось на несколько бокалов шампанского, полпирога... Присаживайтесь! Кто старое помянет, тому глаз вон...

Поколебавшись с минуту для приличия, Тартарен наконец согласился. Он сел, чокнулся с капитаном, на звон бокалов Байя сошла вниз и допела «Красавицу Марко», пиршество зашло далеко за полночь.

Часов около трех утра, проводив своего друга-капитана, добрый Тартарен с легкостью в мыслях, но с тяжестью в ногах возвращался домой, а когда он проходил мимо мечети, то невольно вспомнил проказника-муэдзина; это его насмешило, и в голове у него тут же составился блестящий план мести. Дверь была отперта. Он вошел, миновал длинный ряд коридоров, устланных циновками, поднялся наверх, потом еще выше и наконец очутился в маленькой турецкой молельне, где под самым потолком качался железный фонарь, отбрасывая на белые стены причудливые тени.

Муэдзин был тут: в высоком тюрбане и белом балахоне, он сидел на тахте и курил мостаганемскую трубку, а перед ним стоял большой стакан холодного абсента, к которому он, в ожидании того часа, когда ему надлежало призвать правоверных на молитву, благоговейно прикладывался... При виде Тартарена он от ужаса выронил трубку.

– Ни слова, поп... – сказал приводивший свой план в исполнение тарасконец. – Давай сюда тюрбан и балахон!..

Турецкий поп, весь дрожа, отдал тюрбан, балахон – все, что от него потребовали. Тартарен облачился и торжественно прошествовал на минарет.

Вдали сверкало море. Белые кровли поблескивали в лунном свете. Ветер, дувший с моря, доносил запоздалые звуки гитар... Муэдзин из Тараскона собрался с духом, а затем, воздев руки, начал выкрикивать тонким голосом:

– *Ла алла ил алла...* Магомет – старый шут... Восток, Коран, башага, львы, мавританки – все это не стоит ломаного гроша!.. Нет больше *тэрок...* Остались одни прощелыги... Да здравствует Тараскон!..

Славный Тартарен, пользуясь диким наречием, представлявшим собой смесь арабского с провансальским, на все четыре стороны, на море, на город, на равнину, на горы, изрыгал весело звучавшие тарасконские проклятия, а ему внятно и торжественно отзывались муэдзины, сначала с ближних минаретов, потом с дальних, и правоверные, жившие на самом краю Верхнего города, набожно били себя в грудь.

VIII
Тараскон! Тараскон!

Полдень. «Зуав» разводит пары, сейчас отойдет. С балкона кофейной «Валентин» господа офицеры наводят подзорную трубу, а затем, по старшинству, с полковником во главе, подходят взглянуть на счастливый кораблик, который отправляется во Францию. Это любимое развлечение всего штаба... Внизу искрится водная гладь рейда. Казенная часть старых турецких орудий, врытых в землю вдоль набережной, ослепительно сверкает на солнце. Торопятся пассажиры. Бискарийцы и маонцы грузят вещи в лодки.

А у Тартарена из Тараскона вещей нет. Вот он со своим другом Барбасу идет по Морской улице, мимо небольшого базара, заваленного бананами и арбузами. Незадачливый тарасконец оставил на мавританском берегу вместе с оружейным ящиком и свои мечты, и теперь он с пустыми руками собирается отплыть в Тараскон... Только успевает он прыгнуть в капитанскую шлюпку, как с высокой площади, тяжело дыша, скатывается на набережную какое-то животное и галопом несется к нему. Это верблюд, преданный верблюд, целые сутки искавший своего хозяина по всему Алжиру.

Тартарен меняется в лице и делает вид, что верблюд не его, но верблюд приходит в исступление. Он мечется по набережной. Он зовет своего друга, он умильно смотрит на него. «Возьми меня с собой! – кажется, говорит его грустный взгляд. – Возьми меня в лодку и увези прочь, прочь от этой бутафорской Аравии, от этого нелепого Востока с локомотивами и дилижансами, где такому одногорбому отщепенцу, как я, нет больше места в жизни. Ты – последний турок, я – последний верблюд... Так зачем же нам разлучаться, о Тартарен?..»

– Это не ваш верблюд? – спрашивает капитан.

– Нет, что вы! – отвечает Тартарен, содрогаясь при одной мысли, как бы он появился в Тарасконе с такой потешной свитой. И, без зазрения совести отрекшись от товарища по несчастью, он отталкивается от алжирской земли и приводит в движение лодку. Верблюд нюхает воду, вытягивает шею так, что хрустят суставы, со всего размаху бросается в море, плывет за шлюпкой к «Зуаву», и горб его пляшет на волнах, как тыква, а длинная шея торчит из воды, как водорез триремы.

Лодка и верблюд подплывают к пакетботу одновременно.

– А мне жаль дромадера! – говорит растроганный капитан Барбасу. – Возьму-ка я его, пожалуй, на борт... Приеду в Марсель и подарю Зоологическому саду.

С помощью канатов и блоков верблюда, отяжелевшего от морской воды, еле-еле втащили на палубу, и «Зуав» отвалил.

Плавание продолжалось двое суток, и все это время Тартарен отсиживался у себя в каюте – не потому, чтобы море было неспокойно, и не потому, чтобы очень страдала *шешья,* а потому, что чертов верблюд, стоило хозяину появиться на палубе, оказывал ему преуморительные знаки внимания... Свет еще не видел такого навязчивого верблюда!..

В иллюминатор, куда Тартарен время от времени заглядывал, ему было видно, что синева алжирского неба час от часу бледнеет, и, наконец, однажды утром он, к великой своей радости, услышал, как в серебристом тумане звонили марсельские колокола. Приехали... «Зуав» бросает якорь.

У нашего героя вещей не было, а потому он тотчас же молча сошел с «Зуава», быстро зашагал по марсельским улицам, то и дело в испуге оглядываясь, не бежит ли за ним верблюд, и облегченно вздохнул лишь после того, как расположился в вагоне третьего касса, в прямом поезде до Тараскона... Обманчивая безопасность! Поезд и на две мили не отошел от Марселя, как уже все пассажиры прильнули к окнам. Кричат, чему-то удивляются. Тартарен тоже смотрит, и... что же он видит? Верблюда, милостивые государи, неотвратимого верблюда – он мчался по шпалам за поездом среди равнины Кро и не отставал. Тартарен в отчаянии забился в угол и закрыл глаза.

После такой неудачной экспедиции он рассчитывал вернуться домой инкогнито. Но присутствие этой громадины путало его карты. Как он возвращается, боже мой! Без единого су, без львов, без ничего... Зато с верблюдом!..

– Тараскон!.. Тараскон!..

Пора выходить...

О, ужас! Стоило *шешье* нашего героя показаться в раскрытой дверце, как громкий крик: «Да здравствует Тартарен!» – потряс застекленные своды вокзала. «Да здравствует Тартарен! Да здравствует истребитель львов!» Тут заиграла музыка, грянул хор... Тартарен рад был сквозь землю провалиться – он решил, что над ним издеваются... Но нет! Весь Тараскон в сборе, бросает шляпы, смотрит приветливо. Вот бравый командир Бравида, оружейник Костекальд, председатель суда, аптекарь, наконец, вся доблестная рать охотников за фуражками обступает своего вождя и с триумфом несет по вокзальной лестнице...

Вот он, особого рода мираж! Шкура слепого льва, отосланная командиру Бравида, – такова причина всей этой шумихи. Скромный трофей, выставленный в Клубе, поразил воображение тарасконцев, а затем и всего юга Франции. О Тартарене заговорил «Семафор». Была сочинена целая эпопея. Тартарен убил уже не одного, а десять, двадцать, невесть сколько львов! Благодаря этому Тартарен, когда высаживался в Марселе, был уже знаменитостью, сам того не подозревая, а восторженная телеграмма прибыла в его родной город на два часа раньше него.

Но своей высшей точки всеобщее ликование достигло, когда некое фантастическое животное, покрытое потом и пылью, показалось позади нашего героя и, спотыкаясь, стало спускаться по лестнице. На мгновение Тараскону почудилось, будто вновь объявился Тараск.

Тартарен успокоил своих сограждан.

– Это мой верблюд, – пояснил он.

И, уже находясь под влиянием тарасконского солнца, чудного солнца, от которого люди простодушно лгут, прибавил, поглаживая дромадера по горбу:

– Благородное животное! Всех моих львов я убил на его глазах!

Тут он дружески взял под руку командира Бравида, побагровевшего от счастья, и, сопутствуемый верблюдом, окруженный охотниками за фуражками, приветствуемый всей толпой, чинно направился к домику с баобабом и уже по дороге начал рассказ о своих необычайных охотничьих приключениях.

– Представьте себе, – говорил он, – однажды вечером, в Сахаре...

Комментарии

«Есть в языке Мистраля словцо, которое кратко и полно определяет одну из характерных черт местных жителей: *gal?ja* – подтрунивать, подшучивать. В нем виден проблеск иронии, лукавая искорка, которая сверкает в глазах провансальцев. Это *galeja* по всякому поводу упоминается в разговоре – и в виде глагола, и в виде существительного: *Ves?s – p?s?.. Es uno gal?jado...»* («Неужели ты не понимаешь?.. Ведь это только шутка...») Или же: *«Taisote, galejanre!»* («Замолчи, противный насмешник!») Но быть *gal?jar*ʻом – это вовсе не значит, что ты не можешь быть добрым и нежным. Люди просто развлекаются, хотят посмеяться! А в тех местах смех вторит каждому чувству, даже самому страстному, самому нежному... И я тоже ведь *gal?janre.* Среди парижских туманов, забрызганный парижской грязью и парижской тоской, я, может быть, утратил способность смеяться, но читатель «Тартарена» заметит, что в глубине моего существа был еще остаток веселости, который распустился сразу, едва я попал на яркий свет тех краев... Ведь «Тартарен» – это взрыв хохота, это *gal?jade*».

Так Доде характеризовал первую часть своей трилогии спустя пятнадцать лет после ее выхода («История моих книг», очерк «Тартарен из Тараскона»). Однако в основе этой «галейяды», как и в основе всех книг Доде, лежал жизненный материал. Корни ее уходят в тот период времени, когда молодой писатель побывал в Алжире. «В один прекрасный ноябрьский день 1861 года мы с Тартареном, вооруженные до зубов, с „шешьями“ на макушках, отбыли в Алжир охотиться на львов. По правде говоря, я ехал туда не специально с этой целью: мне прежде всего нужно было прокалить на ярком солнце мои слегка

подпорченные легкие. Но ведь недаром, черт побери, я родился в стране охотников за фуражками! Едва ступив на палубу „Зуава‟, куда как раз погружали наш огромный ящик с оружием, я, больше Тартарен, чем сам Тартарен, стал воображать, будто отправляюсь именно затем, чтобы истребить всех атласских хищников».

«Тартареном», с которым Доде отправился в Алжир, был его сорокалетний кузен Рейно, коренной житель Нима, мечтатель и фантазер, страстный любитель приключенческих романов и охотник за фуражками; он был так силен, что сограждане утверждали, будто у него «двойные мускулы», а в доме его рос карликовый баобаб в горшке из-под резеды... Едва прибыв в Алжир, кузены, смущавшие переселенцев своим экзотическим видом, а арабов – своим оружием, убедились, что на львов им охотиться не придется – надо ограничиться газелями и страусами. Тем не менее Доде, позабыв предписание врача о необходимости покоя, за три месяца исколесил весь Алжир вслед за своим неугомонным спутником, «преданный ему, как верблюд из моей повести», по собственному выражению писателя. Он встречался с французскими чиновниками и продажными арабскими шейхами, видел всю нелепость и жестокость колониальной администрации, нищету населения, задавленного двойным гнетом – французов и местной знати.

В конце февраля 1862 года Доде вернулся во Францию. Привыкнув во время путешествия записывать свои впечатления, он создает на основе этих записей несколько очерков, которые печатает в газетах. 18 июня 1863 года в «Фигаро» появился рассказ «Шапатен, истребитель львов» – о похождениях провансальского «тэрка» в Алжире; кузен Рейно уже приобрел в нем черты будущего Тартарена.

Несколько лет спустя Доде вновь обратился к этой вещи, поняв, что тема далеко не исчерпана. «Восемь лет назад я напечатал „Приключения Шапатена из Тараскона‟; они появились в „Фигаро‟. Из-за них у меня вышла ссора с кузеном Рейно. Вещь была коротенькая, поместилась в одном номере тогдашнего „Фигаро‟. Но потом я решил, что в ней есть отличный веселый сюжет, зарисовки юга и особенно зарисовки Алжира, Алжира комического, поскольку именно так позволял мне рассказать о нем характер моего героя. Я взял свой старый рассказ и развил его, но из-за того, что имя Шапатен стало в Ниме прозвищем Рейно, мне не хотелось снова им пользоваться... Я стал искать другое имя, и один мой приятель подсказал мне раскатистое имя Барбарен (я знал Барбаренов в Эксе и в Тулоне), и я воспользовался им», – писал Доде своему кузену и другу Тимолеону Амбруа.

Но герою-южанину необходим был достойный фон, и таким фоном явился Тараскон – этот обобщенный образ юга Франции. «Тараскон был для меня лишь псевдонимом, подобранным по дороге Париж – Марсель, – вспоминает Доде, – это слово южане произносят так раскатисто, что оно, когда выкрикивают названия станций, звучит победно, точно воинственный клич индейцев. В действительности „родина Тартарена и охотников за фуражками‟ находится в пяти-шести милях от Тараскона, по другую сторону Роны». Это Ним. Ему «Тараскон» обязан многими деталями. «Там видел я в детстве баобаб, чахнувший в горшке из-под резеды, – образ моего героя, стесненного рамками маленького города; там семейство Ребюффа пело дуэт из „Роберта Дьявола‟.

В 1868 году роман стал печататься в газете «Пти монитер» без подписи, под заголовком «Барбарен из Тараскона». После опубликования двенадцати фельетонов печатание прекратили. Доде и позже, когда писал «Историю моих книг», объяснял это отсутствием успеха у читателя, однако его сын Люсьен приводит более правдоподобную причину: «Подтрунивание над администрацией (алжирской. – *С. О.*) было плохо воспринято в высших сферах». Доде передал «Барбарена» в «Фигаро», однако и тут ему не повезло. «Секретарем редакции „Фигаро‟ был в ту пору Александр Дювернуа... По странному стечению обстоятельств, я встретил Александра Дювернуа девять лет назад во время моей веселой экспедиции: он был тогда скромным чиновником гражданской администрации в Милианахе и с тех пор сохранил воистину благоговейное отношение к нашей колонии. Раздраженный,

рассерженный тем, как я описал дорогой его сердцу Алжир, он, хотя и не мог помешать публикации „Тартарена", устроил так, что вещь была разорвана на куски, которые под ужасающим стереотипным предлогом „обилия материала" печатались так редко, что маленький роман растянулся в газете на столько же времени, что и „Агасфер" или „Три мушкетера"... Потом новые волнения. Герой моей книги именовался тогда Барбарен из Тараскона. И надо же так случиться, что в Тарасконе жило старинное семейство Барбаренов, которое пригрозило мне жалобой в суд, если я не изыму их имя из этого оскорбительного фарса. Мои суеверный страх перед судами и правосудием заставил меня согласиться заменить Барбарена на Тартарена уже в корректуре, которую пришлось пересматривать строчку за строчкой, скрупулезнейшим образом охотясь за литерой „Б". Несколько штук на трехстах страницах, должно быть, ускользнуло от моего взгляда, и в первом издании можно найти и Бартарена, и Тарбарена...» («История моих книг»).

Отдельной книгой «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» вышли после франко-прусской войны, в 1872 году, в издательстве Дантю с посвящением нимскому приятелю Доде Гонзагу Прива. Книга расходилась хорошо, хотя и не имела сначала такого шумного успеха, как последующие романы Доде. Далеко не все читатели поняли то, что составляло предмет гордости автора, – типичность главного героя. А между тем именно ее ставил Доде во главу угла; это он подчеркнул эпиграфом, об этом писал в «Истории моих книг»: «Должен признаться, что, при всей моей любви к красивому слогу, к гармонической и яркой прозе, я не считаю, что в них заключено для романиста все. Его истинной радостью остается иное: создавать живые существа, силой правды пустить по земле типы, которые потом сами начинают бродить среди людей с тем именем, с теми жестами и ужимками, которыми наделил их автор и которые заставляют говорить о них, – любимы ли они или презираемы, – вне связи с их создателем. Я сам всегда испытываю одно и то же чувство, когда при мне говорят об одном из прохожих на жизненном пути, об одной из марионеток в комедии политической, художественной или светской жизни: „Это настоящий Тартарен, настоящий Мониавон или Делобель". Меня охватывает трепет, трепет гордости, какую испытывает спрятавшийся в толпе отец, когда аплодируют его сыну и когда бедняге каждую минуту хочется крикнуть: „Это мой мальчик!"

По-русски «Необычайные приключения» были впервые опубликованы в 1880 году в журнале «Мысль» (№ 5, 6, 7). В 1886 году его печатает журнал «Русская мысль» (№ 7, 8, 9), постоянно популяризировавший в России творчество Доде. В 1888 году редакция этого журнала выпускает «Необычайные приключения» вместе с «Тартареном на Альпах» отдельной книгой. В дальнейшем «Необыкновенные приключения Тартарена из Тараскона» становятся самой популярной книгой Доде в России. До революции они входили в собрания сочинений писателя, выпущенные издательством Пантелеевых (1894—1895 гг.) и издательством И. Маевского (1913—1914 гг., не окончено), и выдержали около десяти отдельных изданий. Перевод трилогии, выполненный Н. М. Любимовым, впервые увидел свет в 1956 году и с тех пор многократно переиздавался.

Савояр – житель Савои, французской провинции в Альпах. Маленькие савояры странствовали по всей Франции в качестве чистильщиков обуви и уличных музыкантов.

...стон стоит от... воя хорьков... – Хорьки во Франции используются при охоте на кроликов.

...Нимрод и Соломон в одном лице. – Нимрод – упоминаемый в Библии царь вавилонский, охотник и зверолов; его имя стало нарицательным для охотника, как имя царя Соломона – для мудрого судьи.

«Роберт Дьявол» – опера Джакомо Мейербера на либретто Скриба и Делавиня (1831 г.). Упомянутый ниже «дуэт», а вернее, арию сопрано с репликами тенора, поет сицилийская принцесса Изабелла своему жениху Роберту, сыну посланца Сатаны и норманнской королевы.

Лорд Сеймур Генри (1805—1859) – английский лорд, всю жизнь проживший во Франции, основатель парижского Жокей-клуба; приобрел своими чудачествами большую популярность среди народа, который прозвал его «милорд подонок».

...под знаменем тигра... – В армии Китая воинские соединения различались по эмблемам на знаменах.

...диалог, достойный пера Лукиана или Сент-Эвремона... – Лукиан (ок. 120 – ок. 180) – греческий писатель, создавший жанр сатирического диалога; жанр этот был распространен в литературе, его разрабатывал Шарль де Сент-Эвремон (1613—1703), французский маршал и писатель.

...античный храм в Ниме... – римский храм в Ниме, известный под именем «Квадратный дом» и построенный в 16 году до н. э.; он имеет 25 метров в длину и 12 метров в ширину.

Камбиз (VI в. до н. э.) – второй царь Персидской державы, покоривший Египет и погибший на обратном пути.

...путевые очерки Мунго Парка, Кайе, доктора Ливингстона и Анри Дюверье. – Шотландский путешественник Мунго Парк (1771—1806), обошедший пешком Центральную Африку, написал книгу «Путешествие по Центральной Африке» (Лондон, 1798). Рене Кайе (1799—1838) – французский путешественник, первым из европейцев проникший в Тимбукту на Нигере, издал в Париже в 1830 году отчет о своем многолетнем путешествии. Великий путешественник Дэвид Ливингстон (1813—1873) – автор двух книг: «Популярный отчет о миссионерских поездках и исследованиях в Южной Африке» (Лондон, 1861) и «Рассказ об экспедиции к Замбези» (Лондон, 1865); изданы были и дневники его последнего путешествия. Анри Дюверье (1840—1892) – французский исследователь Сахары, написал книгу «Северные туареги» (Париж, 1864).

...по обычаю древних, держа во рту два белых камешка. – По преданию, знаменитый афинский оратор Демосфен (384—322 гг. до н. э.), чтобы излечиться от косноязычия, произносил на берегу моря речи, держа во рту камешки. Тартарен спутал цель этого упражнения.

Жюль Жерар (1817—1864) – знаменитый охотник на львов, офицер, служивший в Алжире; автор книг «Охота на львов» и «Истребитель львов».

...участник африканской кампании 1830 года... – Кампания 1830 года – первый этап захвата Алжира французами: армия под командованием генерала де Бурмона заняла город Алжир и несколько пунктов на побережье, которые стали потом плацдармами для дальнейшего завоевания страны.

Спокойный и кроткий, точно Сократ, принимающий цикуту... – Греческий философ Сократ (V в. до н. э.) был несправедливо приговорен к смерти афинским судом. По свидетельству его учеников, он, принимая по приговору яд цикуту, был спокоен и утешал оплакивавших его друзей.

Жан Барт (1651—1702), *Дюге-Труэн* (1673—1736) – французские военные моряки.

Равель Пьер-Альфред (1814—1881) – знаменитый французский комик, актер театра Пале-Рояль в Париже.

Жиль Пере – актер театра Водевиль.

...Сервантес под палками алжирских надсмотрщиков... – Сервантес в 1575 году был захвачен алжирскими пиратами и пять лет пробыл рабом в Алжире.

...к латыни Пурсоньяка... – Имеется в виду герой комедии Мольера «Господин де Пурсоньяк» (1660).

Макадамова мостовая – дорога, вымощенная крупным щебнем; названа по имени изобретателя – англичанина Мак-Адама (1756—1836).

Дуро – провансальское и испанское название золотой монеты.

Ванве, Пантен – городки под Парижем.

Бюлье – танцевальный зал в Париже; *Казино* – парижский игорный дом.

Мазарини Джулио (1602—1661) – уроженец Сицилии; кардинал и первый министр Франции.

...подобно Ганнибалу в Капуе, утопал в неге... – После разгрома римской армии при Каннах (214 г. до н. э.) карфагенский полководец Ганнибал, вместо того чтобы брать Рим, дал своим войскам отдых в Капуе – городе в Кампании. По преданию, зимуя там, карфагеняне изнежились и потеряли боеспособность.

...у вас во Франции это называется «алжирские железные дороги». – В 60-х годах прошлого века во Франции появилось множество компаний, получавших у правительства концессии и крупные ссуды на постройку в Алжире телеграфа, железных дорог и т. п. Однако деньги чаще всего использовались не по назначению, и никаких работ в Алжире не велось.

Бомбонель Шарль-Лоран (1816—1890) – знаменитый охотник, автор книги «Бомбонель, или Истребитель пантер. Его охоты, описанные им самим» (1860).

Шассен Жак (1821—1871) – знаменитый французский охотник.

...шляпа Гесслера. – По преданию, австрийский наместник кантонов Швиц и Ури, Герман Гесслер, заставил швейцарцев кланяться своей шляпе, повешенной на шест; из-за этого он и был убит Вильгельмом Теллем (1307 г.).

Дуар – арабское селение в Алжире.

...помесь Авраама с Зузу – то есть библейской патриархальности кочевников с французским солдафонством (зузу – кличка зуавов).

Башага – вожди кочевых племен, подчинившиеся колониальным властям. *Кадий* – судья у арабов. *Каид* – старейшина рода у арабов.

Генерал Юсуф (1805—1866) – французский генерал; ребенком был захвачен турками и воспитан среди них, но в 1830 году перешел на сторону французов и до 1864 года участвовал в завоевании Алжира.

Новый мост – находится в самом центре Парижа.

Примечания

1

Роза, хороший, хорошая, хорошее *(лат.)*.

2

Здесь – увеселительные заведения *(исп.)*.
